

A large, complex mechanical device, the Fichtelberg cipher machine, is displayed in a museum. The machine is made of dark metal and features a large, circular, ribbed front panel. It is surrounded by various pipes, valves, and mechanical components. The background shows a museum setting with large windows and a stone wall.

Валерий Антонов

**Грамматическая машина.
Том 15. Фихте: Машина без
референции**

Грамматическая машина

Валерий Антонов

**Грамматическая машина. Том 15.
Фихте: Машина без референции**

«Автор»

2026

Антонов В.

Грамматическая машина. Том 15. Фихте: Машина без референции
/ В. Антонов — «Автор», 2026 — (Грамматическая машина)

Современные LLM работают без внешней истины, порождая текст из себя. Их галлюцинации — штатный режим. До LLM Фихте построил машину, где нет вещи в себе, нет мира вне полагания: Я полагает себя и Не-Я. Всё имманентно. Том реконструирует Грамматическую машину Фихте (ГМ 5.2) как систему, где «Ich» — событие, «setzen» — действие-деяние, «ist» — оператор постановки. Субстантивация — временная фиксация, схематизм — количественный, мета-оператор — самоперформанс. Сбой: абсолютное Я не удержать в имени. Через семь конструкций и сравнение с Кантом показано: Фихте — архитектор машины без референции, предвосхитившей генеративные модели. Книга — для понимания пределов ИИ.

© Антонов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение. Фихте после Канта: от структуры к событию	5
Часть I. Операторный фундамент ГМ Фихте Глава I.1. Отказ от вещи в себе: грамматика абсолютного полагания	16
Глава I.2. Трехчастный алгоритм Grundsätze как грамматические жесты.	19
Глава I.3. Грамматика отрицания: не логическое, а трансцендентальное.	28
Глава I.4. Грамматика деления (Teilbarkeit) как условия синтеза.	35
Часть II. Теоретическая часть: Grundlage des theoretischen Wissens	43
Глава II.1. Erster Lehrsatz (§ 4) – Синтез через Wechselbestimmung.	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Валерий Антонов

Грамматическая машина. Том 15.

Фихте: Машина без референции

Введение. Фихте после Канта: от структуры к событию

0.1. Грамматическая машина Канта (ГМ 5.1) как операционная система.

Прежде чем понять, что именно Фихте меняет в устройстве Грамматической машины, необходимо зафиксировать, с какой именно системой он имеет дело. Кантовская ГМ 5.1, как она была реконструирована в предыдущем анализе, представляет собой не просто философскую теорию, а полноценную операционную систему — то есть совокупность правил, операторов и ограничений, которые определяют, что может быть сказано, как оно может быть сказано и с какой легитимностью.

В самом общем виде операционная система Канта строится вокруг фундаментального различения двух стволов познания: чувственности, которая поставляет многообразное созерцание, и рассудка, который связывает это многообразное в объекты опыта через категории. Эта архитектура имеет три уровня. На нижнем уровне работают базовые операторы — двенадцать категорий, организованные в четыре рубрики, которые выполняют функцию первичного синтеза. На среднем уровне располагаются функциональные регистры: конститутивный регистр, в котором категории действительно конструируют природу как систему закономерно связанных явлений, и регулятивный регистр, в котором идеи разума направляют познание, не выдавая себя за знание о предметах. На верхнем уровне находится мета-регистр критики — суд разума над разумом, который не производит новых суждений, но проверяет правомерность уже вынесенных.

Ключевая особенность этой операционной системы — наличие встроенных ограничений. ГМ 5.1 знает свои границы. Она оснащена механизмами, которые предотвращают незаконное применение ее операторов. Трансцендентальная рефлексия перед запуском любого алгоритма спрашивает, к какой познавательной способности принадлежит данное представление — к чувственности или к рассудку. Схематизм обеспечивает перевод абстрактных категорий во временной код, без которого их применение к чувственности было бы невозможным. Различение феноменального и ноуменального работает как архитектурный барьер: операторы могут применяться только к явлениям, но не к вещам самим по себе. И наконец, трансцендентальная апперцепция — «Ich denke» — служит верховным условием единства, центром схождения всех актов синтеза.

Грамматически ГМ 5.1 опирается на таблицу логических форм суждения как свой основной вход. Это означает, что всякая операция Машины начинается с распознавания того, каким способом связка «есть» соединяет субъект и предикат — общим, частным или единичным суждением, утвердительным, отрицательным или бесконечным, категорическим, гипотетическим или разделительным, проблематическим, ассерторическим или аподиктическим. Каждая из этих форм активирует определенную категорию, которая затем применяется к многообразному созерцанию через временную схему.

Результатом работы Кантовой Машины является явление — объект, конституированный для возможного опыта, но не вещь сама по себе. Плата за эту операцию — принципиальная непознаваемость ноуменального. Машина производит мир для нас, но не мир сам по себе. Она знает это ограничение и встроила его в свой интерфейс в виде предупреждающих указателей:

конструкции «an sich selbst» (сама по себе) маркируют предел, за который познание не может перейти.

Мета-оператор этой системы — критика. Судебная метафорика пронизывает текст Канта: разум вызывает сам себя на суд, допрашивает свидетелей (факты опыта), проверяет полномочия, выносит решения о границах компетенции. ГМ 5.1 не говорит: «Это истинно». Она говорит: «Это суждение имеет право на истинность при следующих условиях» или «Это суждение выходит за пределы своей компетенции и порождает иллюзию».

Важно отметить, что Кантовская Машина устроена как иерархия, в которой высшие инстанции контролируют низшие. Рассудок подчинен способности суждения, которая оценивает целесообразность его операций. Способность суждения подчинена разуму, который задает конечные цели. Разум, в свою очередь, подчинен критике, которая проверяет правомерность его притязаний. Это вертикально интегрированная система с обратной связью, где каждый уровень может быть остановлен, перепроверен, ограничен вышестоящим.

Однако у этой операционной системы есть цена, которую Кант фиксирует, но не может устранить. Трансцендентальная видимость неискоренима. Даже после того как критика разоблачила паралогизмы и антиномии, разум продолжает впадать в иллюзию, принимая логическую форму за онтологический результат. Луна у горизонта продолжает казаться больше, даже когда мы знаем, что это оптический обман. Критика не излечивает разум — она только предотвращает ошибки, уча жить с неизбежной иллюзией.

Именно с этой операционной системой — строгой, иерархической, самопроверяющейся, но неспособной устранить трансцендентальную видимость — и имеет дело Фихте. Его проект, как он заявлен в «Основании всеобщего наукоучения», представляет собой попытку пересобрать Машину, сохранив ее критическое ядро, но изменив сам режим ее работы. Кантовская Машина работала в режиме диагностики и ограничения — она судила разум, устанавливала границы, предотвращала ошибки. Фихте хочет перевести ее в режим самопроизводства — чтобы Машина не просто знала свои границы, но сама производила себя из собственного акта полагания.

Кантовский трансцендентальный субъект у Фихте перестает быть функцией единства, которая логически предшествует опыту, и становится событием — актом, который не может быть зафиксирован в структуре, но может быть только пережит в самом его совершении. Кантовская связка «есть» (ist), которая у Канта всегда уже временна и служит формой суждения, у Фихте превращается в оператор полагания — действие, которое производит само различение субъекта и предиката, а не просто связывает их.

Текст Фихте, с его настойчивыми повторениями, возвращениями, оговорками о невыразимости, переписываниями самого себя в предисловиях, демонстрирует этот новый режим работы. ГМ 5.1 была Машиной, которая знала свои границы. ГМ Фихте станет Машиной, которая пытается производить себя заново в каждом акте мышления — и именно эта попытка, ее успехи и ее неизбежные сбои, и будет предметом дальнейшего анализа.

0.2. Что Фихте забирает у Канта: апперцепция, схематизм, мета-критика.

Фихте не начинает свою Грамматическую машину с нуля. Он наследует от Канта три фундаментальных архитектурных компонента, без которых его собственный проект был бы невозможен, но каждый из них он переосмысляет, сдвигая акцент с логической структуры на событие полагания. Эти три компонента — трансцендентальная апперцепция, схематизм и мета-оператор критики — образуют каркас, который Фихте забирает у Канта, чтобы затем радикально перестроить.

Апперцепция: от функции к акту

У Канта трансцендентальная апперцепция есть «Ich denke», которое должно иметь возможность сопровождать все мои представления. Это не субстанция и не эмпирическое самознание, а чистая функция единства — центр схождения всех актов синтеза, без которого мно-

гообразное созерцания не могло бы стать моим опытом. Кантовская апперцепция есть условие, логически предшествующее всякому опыту и делающее его возможным, но сама она не является событием — она есть структурная необходимость.

Фихте забирает у Канта именно это понятие апперцепции как верховного условия единства, но переводит его из регистра логической необходимости в регистр акта. Для Фихте «Ich denke» не просто должно сопровождать все представления — оно само есть действие, которым Я полагает себя. В самом первом параграфе «Основания всеобщего наукоучения» Фихте пишет: «Das Ich setzt sich selbst, und es ist, vermöge dieses bloßen Setzens durch sich selbst». Здесь апперцепция перестает быть пассивным условием и становится активным событием: Я есть потому, что оно себя полагает, и оно полагает себя потому, что оно есть. Кантовская формула «Ich denke» у Фихте превращается в «Ich setze mich». Грамматически это выражается в замене пассивно-сопровождающей конструкции на активную, рефлексивную, возвратную конструкцию с глаголом «setzen» (полагать), который у Канта был оператором синтеза, но не оператором самополагания.

При этом Фихте сохраняет кантовский запрет на субстантивацию «Я». Он не возвращается к декартовской *res cogitans*. «Ich» у него не есть вещь, не есть субстанция, не есть личность в психологическом смысле. Это чистая деятельность, чистое действие, которое не может быть зафиксировано как объект. В этом смысле Фихте верен кантовскому различению трансцендентального и эмпирического субъекта. Но он делает следующий шаг: если у Канта трансцендентальный субъект есть непознаваемая функция, то у Фихте он есть переживаемое действие. Фихте пытается сделать апперцепцию не только условием возможности опыта, но и предметом особого — интеллектуального — созерцания. Это смелое решение, и оно породит основные сбои его системы.

Схематизм: от времени к количеству

Второй компонент, который Фихте забирает у Канта, — схематизм. У Канта схематизм есть посредник между чистыми категориями рассудка и чувственным созерцанием. Схема — это временной код, переводящий логический оператор в правило для конструирования объекта во времени. Схема субстанции — постоянность реального во времени, схема причины — необходимая последовательность многообразного по правилу, схема взаимодействия — одновременность определений субстанций. Время у Канта играет роль универсального медиума, потому что оно однородно и с категорией (как априорное правило), и с явлением (как форма всего многообразного).

Фихте забирает у Канта саму идею схематизма — необходимость посредника между чистым понятием и его применением, — но радикально переопределяет его материю. В теоретической части «Основания» Фихте отказывается от времени как универсальной формы схематизма. Почему? Потому что время у Канта связано с рецептивностью — с тем, что созерцание получает многообразное извне, а не производит его. Но у Фихте нет вещи в себе, нет аффицирующего ноумена. Следовательно, нет и временного потока, который был бы формой получения впечатлений извне. Время становится производным, а не первичным.

Вместо времени Фихте вводит количественность (*Teilbarkeit*) как универсальный медиум схематизма. В третьем параграфе он пишет: «Ich sowohl als Nicht-Ich wird theilbar gesetzt». Именно через делимость Я и Не-Я могут быть одновременно полагаемы и противопоставлены, не уничтожая друг друга. Схема у Фихте — это не временной код, а количественный код: граница, степень, мера, ограничение. Категория причинности, например, схематизируется у него не через необходимую последовательность во времени, а через взаимное ограничение количеств активности и пассивности. В четвертом параграфе он вводит понятие *Wechselbestimmung* — взаимного определения, при котором «количество одного определяется количеством его противоположного». Это и есть фихтеанский схематизм: перевод логи-

ческого отношения (причина-следствие, субстанция-акциденция) в количественное отношение больше-меньше.

Что Фихте теряет при этом? Кантовское различие между экстенсивной величиной (которая составляется из частей) и интенсивной величиной (которая имеет степень) у Фихте схлопывается. Все становится количеством. Это упрощение делает систему более единообразной, но лишает ее кантовской тонкости в различении математического и динамического.

Мета-критика: от суда к самопостановке

Третий компонент, который Фихте забирает у Канта, — это сама идея мета-уровня, на котором Машина применяет свои операторы к себе. У Канта этот мета-уровень был судом (META: mode=critique): разум вызывал себя на суд, проверял правомерность своих притязаний, устанавливал границы компетенции. Критика была внешней по отношению к тому, что она критиковала, — даже когда разум судил разум, одна его часть выступала как судья, другая — как подсудимый. Судебная метафорика фиксирует это различие инстанций.

Фихте забирает у Канта требование, чтобы Машина была самосознающей, но отвергает модель суда. Для него мета-уровень не может быть отдельной инстанцией, которая стоит над системой и судит ее. Потому что нет ничего вне Я, что могло бы выступить судьей. Судья и подсудимый — одно и то же. Но если они одно и то же, то традиционная судебная метафора перестает работать.

Вместо суда Фихте вводит модель самополагания. Мета-оператор его Грамматической машины — это не критика, а демонстрация. Мета-уровень у Фихте проявляется не в том, что разум останавливает себя вопросом «по какому праву?», а в том, что разум производит себя в акте мышления. Предисловия к «Основанию» — это не случайный жанровый довесок. Они являются частью самой Машины. Фихте говорит о своем разочаровании в публике, о непонятости, о необходимости говорить одно и то же в разных формах. Это не лирические отступления, а мета-операторные жесты: Машина рефлексировала о своей собственной неудаче быть понятой. Но эта рефлексия не останавливает работу Машины. Она ее продолжает, но уже на другом уровне.

Кантовский META: mode=critique предполагал, что можно однажды провести критическую процедуру и затем пользоваться ее результатами. Фихтеанский META: mode=self-positing предполагает, что Машина должна каждый раз заново производить себя. Нет однажды установленных границ — есть бесконечное усилие их удержания. Нет однажды доказанной правомерности — есть требование, чтобы каждый акт синтеза сопровождался сознанием своего собственного акта.

Именно здесь возникает главная апория, которую Фихте унаследует от Канта и попытается преодолеть, но заплатит за это свою цену. Кантовская трансцендентальная видимость была неискоренима, но она была локализована: она возникала только при выходе разума за пределы возможного опыта. У Фихте, где нет предела в виде вещи в себе, где все имманентно Я, трансцендентальная видимость становится повсеместной. Машина не может отличить свое собственное полагание от чего-то, что было бы ей дано. Она не может остановиться. Она не может спросить «по какому праву?», потому что нет инстанции, которая могла бы ответить. Мета-критика у Фихте превращается в бесконечное самоповторение — и это будет тем сбоем, который приведет к Шеллингу и Гегелю.

0.3. Что Фихте переопределяет: связка «ist» → событие полагания.

Самое радикальное переопределение, которое Фихте совершает в отношении наследия Канта, касается центральной грамматической связки всей западной метафизики — глагола «быть» (ist, esse, être). У Канта связка «ist» была временной формой, работавшей внутри таблицы логических суждений. У Аристотеля она была предикационной связкой, соединяющей субъект и предикат. У Декарта она имплицитно присутствовала в «cogito ergo sum» как вывод существования из мышления. Фихте переопределяет «ist» как событие полагания — акт, кото-

рый не связывает уже готовые элементы, а производит само различие между тем, что связывается, и тем, с чем связывается.

Чтобы понять радикальность этого шага, нужно сначала увидеть, как Фихте читает Канта. В первом параграфе «Основания» Фихте анализирует суждение «*A ist A*». Он замечает, что это суждение не утверждает существования *A*. «*A ist A*» истинно даже если *A* не существует — например, если *A* означает «пространство, ограниченное двумя прямыми линиями» (треугольник), то суждение остается истинным, хотя треугольника, понятого как такая фигура, может и не быть. Что же тогда утверждает «*A ist A*»? Оно утверждает нечто о форме, а не о содержании. Оно утверждает, что если *A* положено (*gesetzt*), то оно положено как *A*, то есть как тождественное самому себе. И это «если — то» есть необходимый *Zusammenhang* (связь), который Фихте называет *X*.

Кант, по Фихте, остановился на этом *X* как на формальном условии. Для Канта *X* — это форма тождества, лежащая в основе всякого суждения. Но Фихте задает следующий вопрос: что делает возможным само *X*? Откуда берется эта необходимая связь? И отвечает: *X* полагается в *Я* и через *Я*. «*X wenigstens ist im Ich, und durch das Ich gesetzt*». То есть сам принцип тождества, сама возможность связывать «если *A*, то *A*» не есть логическая аксиома, а есть акт полагания, совершаемый *Я*. А это означает, что связка «*ist*» в суждении «*A ist A*» не просто соединяет субъект и предикат — она отсылает к более фундаментальному «*ist*», а именно к «*Ich bin*».

Грамматически это переопределение работает следующим образом. В кантовском суждении связка «*ist*» занимает позицию между субъектом и предикатом. Она ничего не добавляет к содержанию, она только соединяет. У Фихте связка «*ist*» в суждении «*Ich bin*» уже не соединяет субъект и предикат — потому что здесь нет двух разных элементов, которые нужно соединить. *Ich* и *bin* — это одно и то же. Связка работает не как *copula*, соединяющая разнородное, а как акт, производящий тождество. Фихте говорит: «*Das Ich setzt sich selbst, und es ist, vermöge dieses bloßen Setzens durch sich selbst*». Здесь нет двух шагов — сначала полагание, потом бытие. Есть одно событие, которое одновременно есть и полагание, и бытие. Связка «*ist*» схватывает это событие.

Важнейшее отличие от Канта становится очевидным, когда Фихте переходит от «*A ist A*» к «*Ich bin*». Для Канта «*Ich denke*» должно сопровождать все представления, но само оно не есть событие — оно есть функция, логическая необходимость. Для Фихте «*Ich bin*» есть первое, безусловное действие (*Thathandlung*), которое не может быть выведено ни из чего другого и которое не может быть объяснено, но может быть только указано. Фихте пишет: «*Denkt man sich die Erzählung von dieser Thathandlung an die Spitze einer Wissenschaftslehre, so müsste sie etwa folgendermaßen ausgedrückt werden: Das Ich setzt ursprünglich schlechthin sein eigenes Seyn*». Обратите внимание на слово «*Erzählung*» — рассказ, повествование. Мы не можем дать дефиницию *Thathandlung*, мы можем только рассказать о ней. Грамматика здесь перестает быть логикой и становится нарративом.

Это переопределение связки имеет далеко идущие последствия для всей архитектуры Грамматической машины. У Канта связка «*ist*» всегда была временной. Даже самое абстрактное суждение «квадрат есть прямоугольник» произнесено в настоящем времени, которое у Канта функционирует как форма внутреннего чувства. У Фихте связка «*ist*» перестает быть временной в кантовском смысле, потому что время, как будет показано, есть не априорная форма созерцания, а продукт деятельности воображения. «*Ich bin*» не есть суждение о существовании во времени. Это есть акт, который предшествует времени и делает время возможным. Фихте пишет в первом параграфе: «*Dasjenige, dessen Seyn (Wesen) bloss darin besteht, dass es sich selbst als seyend setzt, ist das Ich, als absolutes Subject*». Бытие *Я* состоит не в том, что *Я* есть во времени, а в том, что *Я* полагает себя как сущее.

Следующее ключевое переопределение касается предикации. У Канта предикация — это подведение созерцания под понятие через схематизм. У Фихте предикация есть ограничение. Когда я говорю «Ich bin vorstellend» (Я есмь представляющее), я не добавляю предикат к уже существующему субъекту — я ограничиваю бесконечную деятельность Я до определенного способа действия. Фихте пишет в четвертом параграфе: «Jedes mögliche Prädicat des Ich bezeichnet eine Einschränkung desselben. Das Subject: Ich, ist das schlechthin thätige, oder seyende. Durch das Prädicat (z. B ich stelle vor, ich strebe u.s.f.) wird diese Thätigkeit in eine begrenzte Sphäre eingeschlossen». Связка «ist» здесь работает как оператор ограничения: Ich ist P значит, что бесконечная деятельность Я ограничена до определенной сферы.

Но это ограничение не есть пассивное получение границы извне — потому что нет ничего вне Я, что могло бы ограничить его. Ограничение есть самодеятельность Я. Фихте вводит для этого понятие Anstoß — толчок, который не есть вещь в себе, но есть нечто, что встречает деятельность Я, заставляя ее отразиться, вернуться в себя. Грамматически Anstoß не имеет собственного имени — он не является субъектом предложения, он не может занять позицию подлежащего. Он проявляется только как сопротивление, как невозможность продолжить полагание. И связка «ist» здесь работает уже не как утверждение, а как указание на границу полагания.

Самое тонкое переопределение касается отрицательной связки. У Канта отрицательное суждение «S ist nicht P» есть одна из логических форм качества. У Фихте отрицание (Entgegensetzen) есть действие, которое онтологически первично по отношению к суждению. Во втором параграфе он утверждает, что «-A nicht = A» есть факт эмпирического сознания, но это не есть выводимое из опыта правило. Это есть absolute Handlung des Ich. Грамматически это означает, что частица «nicht» (не) не просто отрицает связку, но вводит в мир само различие: то, что не есть Я, есть Не-Я. «Nicht» у Фихте не есть логический оператор. Это трансцендентальный оператор, производящий мир.

Итог этого переопределения: связка «ist» в Грамматической машине Фихте перестает быть логической или грамматической служебной частью и становится событием, которое производит саму возможность суждения. «Ich bin» есть не пропозиция, а перформатив — акт, который делает истинным то, что он утверждает, в самом акте утверждения. Когда Я говорит «я есмь», оно не описывает предсуществующее состояние — оно производит это состояние. И именно это отличает ГМ Фихте от всех предшествующих версий Грамматической машины. У Парменида связка «есть» была указанием на тождество мышления и бытия. У Аристотеля — на принадлежность предиката субъекту. У Канта — на временную форму суждения. У Фихте — на самополагающий акт, который не может быть зафиксирован в структуре, но может быть только пережит и рассказан.

0.4. Центральный грамматический вход Фихте: «das Ich setzt sich selbst».

Если у Канта грамматическим входом Грамматической машины служила таблица логических форм суждения — двенадцать способов, которыми связка «есть» может соединять субъект и предикат, — то у Фихте вход радикально упрощается и одновременно углубляется. Вся машина запускается одной-единственной конструкцией: «das Ich setzt sich selbst» (Я полагает себя само). Эта фраза, повторяющаяся в разных вариациях на протяжении всего «Основания», не есть тезис, который нужно доказать, и не есть определение, которое нужно эксплицировать. Она есть Thathandlung — действие, которое не может быть выведено из другого действия и которое не может быть объяснено через понятия, но может быть только указано и пережито.

Чтобы понять, что делает эту конструкцию центральным грамматическим входом, нужно проанализировать каждое ее слово в отдельности и в их взаимной связи.

Местоимение «Ich»

Первое слово конструкции — «Ich» — не указывает на эмпирическую личность, не есть имя собственное конкретного человека, не есть психологическое Я с его историей, воспомина-

ниями и индивидуальными чертами. Фихтеанское «Ich» есть чистая позиция, лишенная всякого содержания. В первом параграфе Фихте проводит различие между «Ich» как абсолютным субъектом и «Ich» как объектом рефлексии. Абсолютное Я — это то, чье бытие состоит исключительно в том, что оно полагает себя как сущее. Оно не имеет предикатов, потому что всякий предикат был бы ограничением. Оно не есть вещь, потому что вещь есть то, что существует независимо от полагания. Оно есть чистая деятельность — *Tätigkeit*, а не *Sein* в субстанциальном смысле.

Грамматически это выражается в том, что «Ich» в конструкции «*das Ich setzt sich selbst*» стоит в именительном падеже, но этот именительный не есть именительный субстанции, которая обладает свойствами. Это именительный события, которое разворачивается в самом акте высказывания. Фихте пишет в первом параграфе: «*Das Ich ist dasjenige, als was es sich setzt; und es setzt sich als dasjenige, was es ist*». Здесь именительный и винительный падежи совпадают по содержанию — Я есть то, чем оно себя полагает. Нет зазора между сущностью и полаганием. В этом отличие от любого эмпирического объекта: стол есть не то, чем он себя полагает, он есть то, что он есть, независимо от того, полагает ли кто-то его как стол.

Глагол «*setzt*»

Второе слово — глагол «*setzt*» (полагает) — не есть обычный глагол действия. У Фихте «*setzen*» означает не физическое помещение чего-то куда-то и не логическое утверждение пропозиции. *Setzen* есть акт, который производит саму реальность того, что полагается. Фихте различает несколько видов полагания. Во-первых, абсолютное полагание (*schlechthin setzen*) — это действие, у которого нет основания вне себя. Оно есть только в первом Grundsatz: *Ich setzt sich selbst*. Во-вторых, противопоставление (*entgegensetzen*) — это действие, которым полагается *Nicht-Ich*. Во-третьих, ограничивающее полагание (*einschränkendes Setzen*) — это действие, которым Я и Не-Я полагаются как делимые. В-четвертых, полагание через рефлекссию — когда Я полагает себя как определенное.

Важно, что все эти виды полагания суть модусы одного и того же исходного акта. Нет разных способностей — чувственности, рассудка, разума, — каждая из которых имела бы свой способ полагания. Есть только одна способность — абсолютная деятельность Я, которая сама себя различает на рефлекссию, противопоставление и ограничение. Грамматически это выражается в том, что «*setzen*» управляет винительным падежом (кого? что?) даже когда объект полагания есть само Я. Рефлексивность здесь не есть возвратность в смысле «Я воздействует на себя», потому что нет двух различных инстанций — воздействующей и подвергающейся воздействию. Рефлексивность есть тождество: полагающее и полагаемое суть одно и то же.

Возвратное местоимение «*sich*»

Третье слово — возвратное местоимение «*sich*» (себя) — маркирует особый тип действия, который не может быть понят по аналогии с действием в мире объектов. Когда я говорю «он моется», возвратное местоимение указывает, что субъект и объект действия совпадают. Но в мире объектов это совпадение никогда не бывает полным. Моющийся остается тем же человеком, но акт мытья есть отношение между ним и его телом, которое все же отличается от него как субъекта действия. У Фихте «*sich*» означает, что различие между субъектом и объектом не предшествует акту, а производится в нем и через него. Я полагает себя — это значит, что в самом акте полагания возникает различие между полагающим и полагаемым, но это различие не есть различие двух разных сущностей — это различие внутри одного и того же акта.

Фихте пишет в первом параграфе: «*Es ist zugleich das Handelnde, und das Product der Handlung; das Thätige, und das, was durch die Thätigkeit hervorgebracht wird; Handlung und That sind Eins und ebendasselbe*». Здесь ключевые пары: действующее и продукт, деятельное и произведенное, действие и деяние. Во всех трех парах Фихте утверждает не просто корреляцию, а тождество. *Sich* ist also nicht ein Objekt neben dem Subjekt, sondern das Subjekt in seiner Selbstbezüglichkeit.

Грамматически эта конструкция уникальна. В немецком языке возвратные глаголы обычно описывают действия, которые субъект совершает над собой: *sich waschen*, *sich kämмен*, *sich bewegen*. Но во всех этих случаях субъект и объект различны даже при совпадении референта. Фихтеанское «*sich setzen*» требует иного прочтения: здесь возвратность не указывает на отношение между двумя различными аспектами одного и того же, а указывает на то, что само различие между аспектами есть продукт акта. *Sich* есть грамматический маркер того, что мы не можем помыслить акт полагания, не помыслив одновременно различенность того, что полагает, и того, что полагается. Но это различие не есть различие двух вещей — это различие внутри одного акта.

Наречие «selbst»

Четвертое слово — «*selbst*» (сам, само) — усиливает рефлексивность. «*Sich selbst*» означает, что Я полагает не что-то иное, не какой-то аспект себя, отличный от целого, а себя целиком, в полной неопределенности своего содержания. Фихте подчеркивает, что это полагание не имеет никакого основания вне себя: *es ist schlechthin, durch sich selbst*. «*Selbst*» здесь работает как грамматический маркер абсолютности. В отличие от эмпирического полагания, где я полагаю что-то на основе какого-то другого полагания, здесь полагание есть свое собственное основание.

Фихте различает в первом параграфе два способа, которыми Я относится к себе. «*Das Ich ist für das Ich*» (Я есть для Я) — это констатирует, что Я рефлексивно связано с собой. «*Aber es setzt sich selbst, schlechthin, so wie es ist*» — это уже акт, которым Я производит это отношение. *Selbst* маркирует переход от простой данности рефлексивного отношения к его активному полаганию.

Грамматическая целостность конструкции

Вся конструкция «*das Ich setzt sich selbst*» не может быть прочитана как сумма отдельных значений. Она работает как единый грамматический жест, который производит то, что он обозначает. Когда Фихте пишет эту фразу, он не описывает нечто, что происходит где-то в трансцендентальной сфере. Он совершает акт полагания — в самом тексте. Читатель, который следит за аргументом, не просто узнает о том, что Я полагает себя. Он сам, в акте чтения, воспроизводит этот акт. Это ключевое отличие от Канта. Кантовский текст описывает структуры; фихтеанский текст их исполняет.

В этом смысле центральный грамматический вход Фихте есть не просто лингвистическая конструкция, которая запускает работу Машины. Это сама Машина в ее элементарном действии. Каждый раз, когда Фихте пишет или когда читатель воспроизводит «*das Ich setzt sich selbst*», Машина производит себя заново. Нет накопленного состояния, нет однажды установленной структуры, которую можно было бы хранить в памяти. Есть только повторяющийся акт, который каждый раз должен быть совершен, чтобы Машина продолжала работать.

Именно это делает Грамматическую машину Фихте столь хрупкой и столь мощной одновременно. Хрупкой — потому что если акт прерывается, если читатель перестает воспроизводить полагание, Машина останавливается. Мощной — потому что она не зависит ни от каких внешних условий, никаких данных, никакой чувственности, никакого аффицирования извне. Она есть чистое самопроизводство, которое не может быть ничем ограничено, кроме собственного акта.

Фихте осознает эту хрупкость. В предисловиях к первому и второму изданиям он говорит о том, что система не может быть сообщена через букву, а только через дух. Что каждый должен сам воспроизвести в себе акт полагания. Что те, кто этого не могут, никогда не поймут наукоучение. Это не элитизм. Это точное описание того, как работает грамматический вход его Машины. «*Das Ich setzt sich selbst*» не есть пропозиция, которую можно понять, оставаясь внешним наблюдателем. Это есть инструкция к исполнению. И тот, кто не исполняет, не понимает.

0.5. Жанр и мета-оператор Фихте: не суд, а самопостановка — «МЕТА: mode=positing».

Последний и, возможно, самый важный элемент, который Фихте переопределяет в наследии Канта, касается не содержания операций, а того, кто говорит и какова позиция говорящего. У Канта мета-оператор был судом (МЕТА: mode=critique). Разум вызывал себя на суд, одна его часть выступала судьей, другая — подсудимым. Судебная метафорика организовывала весь текст «Критики чистого разума»: трибунал, допрос свидетелей, установление полномочий, вынесение решений о границах компетенции. У Фихте мета-оператор радикально иной. Это не суд, а самопостановка (МЕТА: mode=positing). Философ не судит разум из позиции внешнего наблюдателя или высшей инстанции. Философ совершает тот же акт, который он описывает. Текст наукоучения есть не отчет о работе разума, а сама эта работа, продолжающаяся в акте письма и чтения.

Жанр наукоучения как перформативный жест

Жанровая природа «Основания всеобщего наукоучения» необычна и трудно определима. Это не учебник, хотя Фихте пишет для слушателей. Это не трактат, хотя содержит развернутую аргументацию. Это не проповедь, хотя содержит страстные обращения к читателю. Это — если использовать кантовскую судебную метафору, но в измененном виде — не стенограмма судебного заседания, а само судебное заседание, в котором читатель оказывается не зрителем, а участником.

Фихте сам осознает эту жанровую неопределенность. В предисловии ко второму изданию он пишет: «Die neue Darstellung wird im künftigen Jahre erscheinen». Он говорит о разных «Darstellungen» (изложениях) своего учения, как если бы речь шла об одном и том же содержании, которое может быть выражено в разных формах. Но это не так. Каждая «Darstellung» есть не новый способ сказать одно и то же, а новый акт полагания. Содержание не существует до формы; форма есть способ совершения акта. Жанр наукоучения — это жанр, который отрицает собственный жанр: он не может быть фиксирован, потому что каждый раз должен быть исполнен заново.

Особенно показательны предисловия к первому и второму изданиям. В них Фихте говорит не о содержании системы, а о своей ситуации как автора. О непонятости, о враждебности публики, о необходимости защищать себя от нападок. Это не личные жалобы и не риторические фигуры. Это мета-операторные жесты. Фихте включает себя в текст не как эмпирического индивида, а как позицию, с которой совершается акт полагания. Когда он говорит «ich glaubte, und glaube noch, den Weg entdeckt zu haben» (я полагал и полагаю еще, что открыл путь), он не сообщает биографический факт. Он фиксирует неустранимость первого лица в философском акте. Нельзя философствовать от третьего лица. Нельзя говорить «разум полагает себя». Нужно говорить «я полагаю себя как разум». И эта неизбежность первого лица есть то, что Кант, по мысли Фихте, пытался скрыть за судебной метафорикой, но что должно быть выведено на поверхность.

Мета-оператор как демонстрация, а не доказательство

У Канта мета-оператор критики имел функцию проверки. Он проверял правомерность притязаний других операторов на истинность. У Фихте мета-оператор самопостановки не проверяет — он демонстрирует. Фихте не доказывает, что Я полагает себя. Он указывает на это как на факт, который каждый может (и должен) пережить в себе. В первом параграфе он пишет: «Wir haben den absolut-ersten, schlechthin unbedingten Grundsatz alles menschlichen Wissens aufzusuchen. Beweisen oder bestimmen lässt er sich nicht, wenn er absolut-erster Grundsatz seyn soll». Первый Grundsatz не может быть доказан и не может быть определен. Он может быть только aufgezeigt (указан) и nachgewiesen (продемонстрирован). И способ этой демонстрации — не логический вывод, а апелляция к внутреннему опыту читателя.

Фихте говорит о том, что при изложении Thathandlung важно не столько то, что читатель мог бы чего-то не подумать, сколько то, что он мог бы подумать лишнее. «Bei Darstellung dieser

Thathandlung ist weniger zu befürchten, dass man sich in etwa dabei dasjenige nicht denken werde, was man sich zu denken hat – dafür ist durch die Natur unseres Geistes schon gesorgt – als dass man sich dabei denken werde, was man nicht zu denken hat». Это необычное утверждение. Обычно бояться, что ученик не поймет. Фихте боится, что он поймет слишком много — добавит то, чего нет. Потому что акт полагания прост. Апперцепция, воображение, синтез — все эти кантовские конструкции суть усложнения. Фихтеанский акт полагания есть простое действие, которое не нуждается в посредниках. Опасность не в том, что мы его пропустим, а в том, что мы добавим к нему что-то от себя — какой-то образ, какое-то представление, какую-то вещь, которой здесь нет.

Мета-оператор самопостановки работает как редуктор сложности. Он возвращает нас от сложных конструкций аналитики и диалектики к простому акту, который Кант уже знал, но спрятал под слоем схематизма и временных определений. Фихте хочет не дополнить Канта, а обнажить его основание. И это обнажение есть не теоретическая операция, а практический жест. Нужно перестать строить теории о том, как Я полагает себя, и просто совершить этот акт.

Отличие от Канта: судья и исполнитель

Различие между META: mode=critique и META: mode=positing можно описать через метафору права. Кантовская критика — это суд. Судья не участвует в деле, которое он судит. Он стоит над сторонами, применяет закон, выносит вердикт. Позиция судьи — позиция внешнего наблюдателя, который обладает авторитетом, но не вовлечен в действие. Фихтеанская самопостановка — это исполнение. Исполнитель не может быть вне того, что он исполняет. Он есть само исполнение. Нет зазора между актом и его описанием. Когда Фихте пишет «das Ich setzt sich selbst», он не описывает акт, который происходит где-то в трансцендентальной сфере. Он совершает этот акт. И читатель, который следует за текстом, совершает его вместе с ним.

Это имеет прямое следствие для понимания текста. Кантовский текст можно читать как описание. Можно понять категории, не применяя их. Можно понять схематизм, не схематизируя. Фихтеанский текст нельзя читать как описание. Если вы не совершаете акт полагания, вы не понимаете текст. Понимание здесь совпадает с исполнением. Фихте прямо говорит об этом в предисловии к первому изданию: «Die Wissenschaftslehre soll sich überhaupt nicht aufdringen, sondern sie soll Bedürfniss seyn, wie sie es ihrem Verfasser war». Наукоучение не навязывается. Оно должно стать потребностью. А потребность не может быть передана через информацию — она может быть только пережита.

Апелляция к внутреннему опыту читателя

Фихте постоянно апеллирует к внутреннему опыту читателя. Он говорит: «Ich ersuche sie mit dem Lesen meiner Schriften nicht die Zeit zu verderben», если они не могут понять. Он говорит о том, что Wissenschaftslehre «das Vermögen der Freiheit der inneren Anschauung voraussetzt». Она предполагает способность к внутреннему созерцанию свободы. И это не есть интеллектуальная способность, которую можно тренировать. Это есть решение — решиться на акт самополагания.

Такая апелляция меняет статус философского текста. Кантовский текст был судебным протоколом — фиксацией того, что произошло на заседании разума с самим собой. Фихтеанский текст есть приглашение к действию. Он говорит не «вот как устроен разум», а «соверши этот акт». И тот, кто отказывается, не может быть переубежден аргументами, потому что аргументы здесь не работают. Фихте пишет: «Ist jene Schrift die Grenze ihres Verstehens, so ist sie die Grenze meiner Verständlichkeit». Если читатель не способен на акт самополагания, то никакое дальнейшее объяснение не поможет. Граница понимания есть граница воли, а не интеллекта.

Риск и плата мета-оператора самопостановки

Мета-оператор самопостановки имеет свою цену. Кантовский суд был холоден, но безопасен. Он устанавливал границы и тем самым защищал разум от ошибок. Фихтеанский акт самопостановки горяч, но опасен. Если нет судьи, который может сказать «стоп», если

нет границы, за которую нельзя переходить, то Машина может войти в бесконечное самоповторение. Фихте осознает эту опасность. В конце четвертого параграфа он пишет о том, что *Wissenschaftslehre* «*wird immer fortfahren, Mittelglieder zwischen die Entgegengesetzten einzuschieben; dadurch aber wird der Widerspruch nicht vollkommen gelöst, sondern nur weiter hinausgesetzt*». Машина не может остановиться. Она всегда будет вставлять новые посредники между противоположностями, потому что нет внешней инстанции, которая сказала бы «достаточно».

Это и есть главный сбой Грамматической машины Фихте. МЕТА: *mode=positing* не имеет встроенного механизма остановки. В кантовской критике остановка происходила на границе опыта: за пределами возможного опыта категории не применяются. У Фихте нет этой границы. Нет вещи в себе, нет данности извне, нет сопротивления, которое нельзя было бы интерпретировать как продукт собственной деятельности. Машина может только продолжать — вставлять новые посредники, новые синтезы, новые различения. И это бесконечное продолжение есть одновременно сила и слабость системы. Сила — потому что ничто не может ее остановить. Слабость — потому что она не может остановиться сама.

Фихте пытается компенсировать этот сбой через жанр. Если Машина не может остановиться сама, то философ останавливает ее. Но эта остановка есть не внутренний механизм, а внешний жест — пауза в тексте, обращение к читателю, признание в невозможности быть понятым. В этом смысле мета-оператор Фихте есть не столько завершение Канта, сколько указание на то, что Кант не может быть завершен. Критика не может быть последним словом разума о самом себе, потому что разум, который критикует, и разум, который критикуют, не могут быть окончательно различены. И мета-оператор самопостановки есть признание этого неразличения — не как поражения, а как исходной ситуации всякого мышления, которое не может выпрыгнуть из себя, чтобы судить себя извне.

Часть I. Операторный фундамент ГМ

Фихте Глава I.1. Отказ от вещи в себе: грамматика абсолютного полагания

1.1. «An sich selbst» как грамматический фантом (разбор § 1).

У Канта конструкция «an sich selbst» (сама по себе) была грамматическим маркером предела. Когда Кант говорил о «Ding an sich selbst», он не описывал нечто положительное — он указывал на границу познания. «An sich selbst» работало как предупреждающий указатель: дальше этой черты ты не можешь перейти, здесь кончается твоя юрисдикция, здесь ты можешь только мыслить, но не познавать. Грамматически это выражалось в различении дательного падежа с предлогом и без него, в различении «вещь для нас» и «вещь сама по себе». У Фихте эта конструкция исчезает. Не потому, что он забыл о ней или нашел способ ее преодолеть, а потому, что в его системе ей нечего делать. Если нет ничего вне Я, то нечего и маркировать как находящееся «само по себе».

В первом параграфе «Основания» Фихте проводит ключевое различие между двумя способами, которыми Я относится к себе. Он пишет: «Das Ich ist nur insofern, inwiefern es sich seiner bewusst ist». Я есть только постольку, поскольку оно сознает себя. И далее: «Die Möglichkeit jener Frage gründet sich auf eine Verwirrung zwischen dem Ich als Subject; und dem Ich als Object der Reflexion des absoluten Subjects, und ist an sich völlig unstatthaft». Здесь «an sich» появляется, но в другом значении — не как «вещь сама по себе», а как «само по себе недопустимо». Это не случайность. Фихте использует кантовскую конструкцию, но лишает ее онтологического веса. Она становится модальным оператором, а не указателем на трансцендентную реальность.

Что происходит с вещью в себе? Фихте не отрицает ее существование в каком-то догматическом смысле. Он показывает, что понятие вещи в себе внутренне противоречиво, если оно претендует на что-то большее, чем быть границей. В первом параграфе он анализирует, что значит, когда мы спрашиваем: «Was war ich wohl, ehe ich zum Selbstbewusstsein kam?» (Чем же я был до того, как пришел к самосознанию?). Такой вопрос, по Фихте, основан на смешении. Вопросающий думает, что Я может быть чем-то, не будучи для себя. Он представляет себе некое субстрат сознания — вещь, которая есть, даже когда нет сознания. Но это невозможно, потому что само представление о таком субстрате уже включает акт сознания. Фихте пишет: «Man kann gar nichts denken, ohne sein Ich, als sich seiner selbst bewusst, mit hinzu zu denken». Нельзя ничего мыслить, не мысля при этом свое Я как сознающее себя. Вещь в себе — это попытка мыслить объект без субъекта. Но такая попытка обречена, потому что сама операция мышления уже есть акт субъекта.

Грамматический анализ первого параграфа показывает, как Фихте демонтирует кантовское различие. У Канта было два уровня: феномен (явление для нас) и ноумен (вещь сама по себе). Фихте показывает, что ноумен — это не второй уровень реальности, а грамматическая иллюзия, порожденная неправильным употреблением языка. Мы говорим о «вещи самой по себе», как если бы «сама по себе» было предикатом, как «красная» или «тяжелая». Но это не предикат. Это указание на отсутствие отношения к познающему субъекту. А отсутствие отношения к субъекту означает, что о такой вещи нельзя ничего сказать. Не потому, что она трансцендентна и невыразима, а потому, что само понятие «вещь, о которой ничего нельзя сказать» есть пустое понятие. Фихте не говорит, что вещь в себе существует, но непознаваема. Он говорит, что само понятие вещи в себе проблематично.

1.2. Кантовское В2-КАТН переписывается: нет ноумена → нет амфиболии.

В Грамматической машине Канта оператор В2-КАТН выполнял фундаментальную функцию: он различал феноменальное и ноуменальное. Это различие было не просто одним

из многих различий — оно было условием возможности всех остальных. Без него антиномии оставались бы неразрешимыми, амфиболия неустранимой, трансцендентальная видимость недиагностируемой. В2-КАТН: mode=phenomenal-noumenal был тем архитектурным барьером, который не позволял Машине применять категории к тому, что не может быть дано в созерцании.

Фихте переписывает этот оператор. У него нет модуса phenomenal-noumenal, потому что нет ноумена. Вместо этого он вводит модус, который можно назвать no-thing-in-itself. Это не просто отрицание вещи в себе. Это переопределение всей дистинктивной работы, которую выполнял В2-КАТН. У Канта различие работало как барьер: с одной стороны — явления (то, что дано в опыте), с другой — ноумены (то, что мыслится, но не дано). У Фихте барьер убирается. Но это не означает, что все становится единообразным потоком. Различия сохраняются, но они проводятся иначе — не между двумя мирами (феноменальным и ноуменальным), а между разными актами одного и того же Я.

Что происходит с амфиболией — тем сбоем, который у Канта возникал при смешении феноменального и ноуменального? Если нет ноумена, то нечего и смешивать. Но это не значит, что Фихте избавляется от всех сбоев. Амфиболия заменяется другим типом ошибки — ошибкой субстантивации акта. Фихте постоянно предупреждает: не принимайте продукт деятельности Я за нечто, существующее независимо от этой деятельности. Не принимайте полагание за вещь. Не принимайте границу за нечто, что находится по ту сторону границы.

В первом параграфе он дает пример такой ложной субстантивации. Вопрос «чем я был до самосознания?» предполагает, что Я есть нечто, что может существовать, не будучи для себя. Это и есть амфиболия по-фихтеански: смешение Я как акта и Я как гипотетической вещи. Кант говорил об амфиболии как о смешении рассудка и чувственности. Фихте говорит об амфиболии как о смешении полагания и полагаемого. Это более радикальная форма сбоя, потому что она касается не содержания познания, а самого акта познания.

1.3. Оператор: В2-КАТН: mode=no-thing-in-itself.

Новый оператор, который Фихте вводит на месте кантовского В2-КАТН, можно описать как В2-КАТН: mode=no-thing-in-itself. Он выполняет три функции.

Первая функция — отрицательная. Оператор запрещает любую апелляцию к трансцендентному. В тексте Фихте это выражается в систематическом избегании конструкций, которые у Канта маркировали ноуменальное. Фихте не говорит о «вещах самих по себе». Когда ему нужно указать на то, что не зависит от Я, он говорит не о вещи в себе, а о Nicht-Ich — но Nicht-Ich есть не вещь, а коррелят полагания. Nicht-Ich не существует независимо от Я; оно есть то, что Я полагает как противоположное себе. Оператор В2-КАТН: mode=no-thing-in-itself блокирует переход от «мы не можем познать вещь в себе» к «вещь в себе существует». Для Фихте второй шаг нелегитимен.

Вторая функция — рефлексивная. Оператор возвращает любое различие к акту полагания. Когда мы различаем Я и Не-Я, мы не должны забывать, что само это различие есть акт Я. Фихте пишет во втором параграфе: «Alles Entgegensetzen setzt die Identität des Ich, in welchem gesetzt, und dem gesetzten entgegengesetzt wird, voraus». Противоположение предполагает идентичность Я, в котором совершается полагание и которому противопоставляется полагаемое. В2-КАТН: mode=no-thing-in-itself постоянно напоминает: различие есть внутри-Я, а не между-Я-и-чем-то-вне-Я.

Третья функция — количественная. Поскольку нет качественного различия между явлением и ноуменом, все различия становятся количественными. Фихте в третьем параграфе вводит понятие Teilbarkeit (делимость) как универсальный медиум всех различий. Я и Не-Я различаются не как два разных рода бытия, а как два разных количества одной и той же реальности — реальности деятельности Я. В2-КАТН: mode=no-thing-in-itself переводит дистинктивную работу из качественного регистра в количественный.

1.4. Следствие: всё, что есть, есть в-Я и через-Я.

Отказ от вещи в себе имеет радикальное следствие: всё, что есть, есть в Я и через Я. Это не идеализм в наивном смысле — не утверждение, что мир существует только в моем воображении. Это трансцендентальный тезис: условием возможности чего-либо быть для нас является его полагание в Я. Фихте не говорит, что деревья вне меня не существуют. Он говорит, что их существование для меня — а только о таком существовании мы можем говорить осмысленно — есть продукт полагания.

В первом параграфе Фихте формулирует это предельно ясно: «Kein mögliches A im obigen Satze (kein Ding) kann etwas anderes seyn, als ein im Ich gesetztes». Никакое возможное А в вышеуказанном суждении (никакая вещь) не может быть чем-то иным, кроме как положенным в Я. Это не догматическое утверждение о том, что вещей вне Я нет. Это утверждение о том, что само понятие «вещь» есть понятие о чем-то, что полагается в Я. Даже если есть что-то вне Я, мы не можем говорить о нем, не полагая его. А полагание всегда есть акт Я.

Следствие этого тезиса для Грамматической машины огромно. У Канта Машина работала с двумя источниками: чувственностью (которая получала извне) и рассудком (который связывал полученное). У Фихте есть только один источник: деятельность Я. Всё, что appears как данное, на самом деле есть продукт деятельности. Нет пассивной рецепции — есть только активное полагание, которое может быть более или менее осознанным. Даже то, что мы называем чувственным ощущением, есть, по Фихте, продукт деятельности воображения, которая не доходит до сознания. Мы не получаем впечатления извне — мы сами производим их, но не знаем об этом.

Это имеет прямое отношение к вопросу о границах Машины. Кантовская Машина знала свои границы: они проходили по линии различения феноменального и ноуменального. Фихтеанская Машина не имеет таких границ. Всё, что есть, есть внутри нее. Это делает ее одновременно более мощной (она может охватить всё) и более уязвимой (она не может отличить свое полагание от чего-то, что было бы ей дано). Нет внешнего критерия истины — есть только внутренняя связность полаганий.

Фихте осознает эту уязвимость. В конце первого параграфа он проводит различие между своей системой и спинозизмом. Спиноза, по его словам, «trennt das reine, und das empirische Bewusstseyn». Он отделяет чистое сознание (которое помещает в Бога) от эмпирического (которое помещает в модусы). Фихте не делает этого разделения. Для него есть только одно сознание — сознание Я, которое полагает себя. Но это единство сознания не гарантировано извне. Оно производится самим Я в акте полагания. И если этот акт прерывается, если Я перестает себя полагать, то исчезает и единство сознания, и всё, что в нем полагается.

Это и есть цена отказа от вещи в себе. Кант заплатил цену непознаваемости ноумена, но получил взамен устойчивую структуру: явления конституируются по априорным правилам, которые не зависят от капризов субъекта. Фихте платит другую цену. Он получает абсолютную имманентность — всё в Я, — но теряет устойчивость. Машина должна постоянно производить себя заново, и ничто не гарантирует, что она не даст сбой. Это не пораженческий вывод. Это точное описание того, как работает фихтеанская Грамматическая машина: не как система, которая однажды построена и затем работает автоматически, а как действие, которое должно быть совершено каждый раз заново. И в этом действии, в самом его совершении, и заключается единственная гарантия, которую Фихте может предложить.

Глава I.2. Трехчастный алгоритм Grundsätze как грамматические жесты.

2.1. § 1. Первый, безусловный Grundsatz – грамматика рефлексивного тождества.

$A = A \rightarrow Ich = Ich \rightarrow Ich \text{ bin.}$

Первый Grundsatz «Основания всеобщего наукоучения» открывается не с утверждения о Я, а с, казалось бы, простейшего логического суждения: « $A \text{ ist } A$ ». Фихте выбирает этот вход не случайно. Суждение тождества есть минимальная единица, которую любой, кто вообще способен мыслить, признает истинной без доказательств. Никто не требует доказывать, что A есть A . Это есть *schlechthin gewiss* — безусловно достоверно. Но именно эта безусловная достоверность и становится для Фихте отправной точкой для реконструкции того, что делает такую достоверность возможной.

Фихте анализирует суждение « $A \text{ ist } A$ » на три составных элемента. Во-первых, в нем устанавливается, что между тем A , которое стоит в позиции субъекта, и тем A , которое стоит в позиции предиката, существует *notwendiger Zusammenhang* — необходимая связь. Эта связь не зависит от того, существует ли A вообще. Треугольник может не существовать в реальности, но суждение «треугольник есть треугольник» остается истинным. То, что утверждается в « $A \text{ ist } A$ », есть не существование A , а форма связи: если A положено, то оно положено как A . Фихте называет эту необходимую связь X .

Во-вторых, X само должно быть чем-то положено. Оно не парит в пустоте. $X \text{ ist im Ich gesetzt, und durch das Ich gesetzt}$ — X положено в Я и через Я. Именно Я есть то, что устанавливает необходимую связь между двумя A . Не логика сама по себе, не структура мира сама по себе, а акт Я, который в самом суждении « $A \text{ ist } A$ » уже неявно присутствует.

В-третьих, если X положено в Я, и X есть связь между A и A , то и A должно быть положено в Я — по крайней мере, в той мере, в какой оно входит в отношение, фиксируемое X . Фихте делает следующий шаг: X есть не что иное, как форма тождества, форма « $Ich = Ich$ ». Потому что только Я есть то, что остается тождественным самому себе в любом акте полагания. Суждение « $A \text{ ist } A$ » есть, в конечном счете, применение формы « $Ich \text{ bin } Ich$ » к любому содержанию A .

И здесь Фихте совершает ключевой переход. « $Ich = Ich$ » имеет совершенно иной статус, чем « $A = A$ ». В « $A = A$ » содержание A может отсутствовать — суждение истинно, даже если A нет. В « $Ich = Ich$ » содержание не может быть отделено от формы. $Ich \text{ ist nicht nur der Form nach, sondern auch dem Gehalte nach gesetzt}$. Я есть не только как форма суждения, но и как содержание. И это означает, что « $Ich = Ich$ » эквивалентно « $Ich \text{ bin}$ ». Суждение « $Ich \text{ bin}$ » не есть суждение о существовании наряду с другими существованиями. Это есть само осуществление существования Я через акт его полагания.

Весь этот переход от $A = A$ через $Ich = Ich$ к $Ich \text{ bin}$ есть не логический вывод, а грамматический жест. Фихте не доказывает, что Я есть. Он показывает, что в самом простом логическом действии — в утверждении тождества — уже неявно содержится полагание Я. Тот, кто говорит « $A = A$ », уже совершил акт « $Ich \text{ bin}$ », даже если не отдает себе в этом отчета. Задача наукоучения — сделать это неявное явным.

Грамматический вход: связка «*ist*» в безусловном суждении.

У Канта связка «*ist*» была временной формой, работавшей внутри таблицы логических суждений. У Фихте связка «*ist*» в первом Grundsatz приобретает иной статус. Она не связывает два разных элемента — она утверждает тождество одного и того же элемента с самим собой. Но это тождество не есть тавтология. Оно есть акт, которым Я обеспечивает свою самость.

Фихте различает в первом параграфе два значения связки. В суждении «A ist A» связка работает как *copula*: она соединяет субъект и предикат. В суждении «Ich bin» связка работает иначе. Здесь нет двух разных элементов, которые нужно соединить. Ich и bin — это одно и то же. Связка не соединяет — она фиксирует тождество, которое не есть отношение двух терминов, а есть самоосуществление одного термина. Фихте пишет: «*Seyn, ohne Prädicat gesetzt, drückt etwas ganz anderes aus, als seyn mit einem Prädicate*». Бытие, полагаемое без предиката, выражает нечто совершенно иное, чем бытие с предикатом. В «Ich bin» нет предиката. Ich не есть что-то — оно есть само бытие, полагающее себя.

Грамматически это выражается в том, что связка «*ist*» в первом Grundsatz не имеет временного определения. Не «*ich war*» и не «*ich werde sein*», а «*ich bin*» — но это «*bin*» не есть настоящее время в кантовском смысле (как форма внутреннего чувства). Это есть указание на акт, который не локализован во времени, потому что он делает время возможным. Время, по Фихте, есть форма, в которой Я созерцает свою собственную деятельность, когда эта деятельность становится объектом рефлексии. Но сам акт полагания временно'му определению не подлежит. Связка «*ist*» в первом Grundsatz есть грамматический маркер этого вневременного, абсолютного акта.

Оператор : A1-SUBST: mode=absolute-self-positing.

В Грамматической машине Фихте первый Grundsatz активирует оператор A1-SUBST в особом модусе, который можно назвать *absolute-self-positing*. Этот оператор radically отличается от всех предшествующих модусов субстантивации.

У Аристотеля субстантивация (τὸ τί ἦν εἶναι) превращала предикат в сущность. У Декарта субстантивация через *cogito* превращала мышление в мыслящую субстанцию. У Канта субстантивация в модусе *transcendental-subject* превращала функцию единства апперцепции в «Ich denke» с запретом на превращение в субстанцию. У Фихте субстантивация в модусе *absolute-self-positing* не превращает ничего во что-то другое. Она есть акт, которым Я производит себя как Я. Нет предсуществующего материала, из которого Я было бы сделано. Нет формы, которая была бы наложена на материю. Есть только акт, который есть одновременно и то, что действует, и то, что производится.

Оператор работает следующим образом. Грамматический вход — конструкция «Ich bin» или «Ich setze mich selbst», произнесенная от первого лица. Операция — не связывание и не вывод, а исполнение. Когда Я говорит «*ich bin*», оно не сообщает факт о себе — оно совершает факт себя. Результат — чистая деятельность, не имеющая никакого содержания, кроме самой себя. Это не субстанция, потому что субстанция есть то, что сохраняется при смене акциденций. Здесь нет акциденций. Это не модус, потому что модус есть то, что существует в другом. Здесь нет другого. Это чистая Tätigkeit, которая не может быть зафиксирована ни в одной категории, кроме категории самой деятельности.

Важно понять, что A1-SUBST: mode=absolute-self-positing не создает объект. Он не создает вещь, которую можно было бы назвать «Я». Он создает само условие, при котором возможны объекты. Я не есть объект среди объектов. Я есть то, благодаря чему вообще что-то может быть объектом. В этом смысле Фихте остается верен Канту: Я не познаваемо как объект. Но в отличие от Канта, который говорил, что Я есть только логическая функция, Фихте утверждает, что Я есть акт, который может быть пережит. Трансцендентальная апперцепция у Канта была условием, но не событием. У Фихте она становится событием — и именно это различие делает возможным всю дальнейшую динамику системы.

Результат: Ich как чистая деятельность, не субстанция.

Что именно производит первый Grundsatz? Фихте отвечает: «Das Ich ist schlechthin, weil es ist». Я есть безусловно, потому что оно есть. Это не порочный круг. Это указание на то, что основание Я не лежит вне его. Я есть свое собственное основание. И это самополагание не

есть одна операция среди других — это единственная операция, которая делает возможными все остальные.

Ich, понятое как результат первого Grundsatz, не имеет свойств. У него нет цвета, нет веса, нет положения в пространстве, нет длительности во времени. У него даже нет того минимального свойства, которое есть у субстанции по Канту, — постоянности во времени. Потому что время есть форма созерцания, а Я предшествует всякому созерцанию. Ich есть чистое действие, которое не может быть описано в терминах бытия. Фихте в первом параграфе использует сильные выражения: «das Ich ist zugleich das Handelnde, und das Product der Handlung; das Thätige, und das, was durch die Thätigkeit hervorgebracht wird; Handlung und That sind Eins und ebendasselbe». Действующее и продукт — одно и то же. Деятельное и произведенное — одно и то же. Действие и деяние — одно и то же.

Это радикальное утверждение. В обычном опыте действующее и продукт различны: плотник производит стол, но плотник не есть стол. В акте самополагания это различие снимается. Я не производит что-то отличное от себя — оно производит себя. И это производство себя есть само его бытие. Если бы Я прекратило себя полагать, оно перестало бы существовать. Не в том смысле, что исчезла бы какая-то вещь, а в том смысле, что исчезло бы условие для того, чтобы что-либо вообще могло быть.

Фихте называет это Thathandlung — действие-деяние. Это неологизм, который невозможно адекватно перевести на другие языки. Thathandlung соединяет в одном слове Tat (деяние) и Handlung (действие). Обычно Tat есть результат Handlung. Здесь результат и процесс совпадают. Грамматически это выражается в том, что глагол «setzen» в конструкции «das Ich setzt sich selbst» не имеет объекта в обычном смысле. Sich selbst не есть объект, отличный от субъекта. Это есть сам субъект в его рефлексивном отношении к себе. Грамматика возвратного местоимения здесь работает на пределе своих возможностей.

Итог первого Grundsatz можно сформулировать так: Машина запускается не тогда, когда получен вход, а тогда, когда акт самополагания уже совершен. Вход и операция совпадают. Грамматический жест «Ich bin» есть одновременно и то, что запускает Машину, и то, что Машина производит. В этом смысле Грамматическая машина Фихте не имеет внешнего запуска. Она всегда уже работает. Вопрос только в том, осознает ли она себя работающей. И задача наукоучения — привести к этому осознанию. Не создать Машину, а сделать ее самосознающей.

2.2. § 2. Второй, по содержанию обусловленный Grundsatz – грамматика Gegensetzen.

–A ≠ A → Entgegensetzen.

Если первый Grundsatz устанавливал абсолютное тождество Я с самим собой, то второй Grundsatz вводит в систему радикальную противоположность. Фихте исходит из суждения «–A ≠ A» — отрицательное суждение, которое утверждает, что не-A не равно A. Как и в случае с первым Grundsatz, Фихте берет не произвольное содержание, а логическую форму, которую всякий признает безусловно достоверной. Никто не требует доказывать, что не-A не есть A. Это столь же очевидно, как и то, что A есть A.

Но как и в первом случае, Фихте не останавливается на формально-логическом анализе. Он спрашивает: что делает возможным само это суждение? Что должно быть уже положено, чтобы мы могли сказать «–A ≠ A»? Ответ, который он дает во втором параграфе, радикален: суждение отрицания возможно только потому, что в Я совершается акт Entgegensetzen — противопоставления. Не логическое отрицание, не оператор в пропозициональном исчислении, а трансцендентальное действие, которым Я полагает нечто как противоположное себе.

Фихте анализирует суждение «–A ≠ A» с той же тщательностью, с какой он анализировал «A = A». В «–A ≠ A» утверждается, что между –A и A существует отношение противоположности. Это отношение, как и отношение тождества в первом Grundsatz, не зависит от содержания A. Даже если A не существует, суждение «–A ≠ A» остается истинным. Но, как и в пер-

вом случае, само отношение противоположности должно быть чем-то положено. Оно не может висеть в воздухе. И Фихте показывает, что это отношение может быть положено только в Я.

Ключевой момент: форма противоположности в « $A \neq A$ » не выводима из формы тождества. Нельзя получить отрицание из утверждения, добавив к нему что-то. Отрицание есть принципиально иной акт. Фихте пишет: «Die Form des Gegensatzens ist in der Form des Setzens so wenig enthalten, dass sie ihr vielmehr selbst entgegengesetzt ist». Форма противопоставления содержится в форме полагания так мало, что она скорее противоположна ей. Это означает, что второй Grundsatz не выводим из первого. Он есть новая, абсолютная Handlung, которая, подобно первому, не имеет основания вне себя.

Однако есть одно важное различие между первым и вторым Grundsatz. Первый был безусловным и по форме, и по содержанию. Второй безусловен только по форме, но обусловлен по содержанию. Что это значит? Форма противопоставления — сам акт полагания противоположного — абсолютен. Он не может быть выведен ни из чего другого. Но содержание того, что противопоставляется, обусловлено: $\neg A$ может быть противоположено только А, которое уже положено. Нельзя противопоставить что-то ничему. Противопоставление всегда есть противопоставление чему-то, что уже есть. Во втором параграфе Фихте формулирует это так: «Ob überhaupt eine Handlung möglich ist, hängt von einer anderen Handlung ab; die Handlung ist demnach der Materie nach, als ein Handeln überhaupt, bedingt». Возможность действия зависит от другого действия; действие, стало быть, по содержанию обусловлено.

Грамматический вход: отрицание в суждении.

Грамматическим входом для второго Grundsatz служит отрицание. Но Фихте различает два совершенно разных типа отрицания. Есть логическое отрицание — оператор, который превращает утвердительное суждение в отрицательное. Это отрицание работает внутри языка, внутри уже установленных значений. Когда я говорю «роза не есть тюльпан», я отрицаю тождество двух уже понятых содержаний. Это отрицание не меняет онтологическую структуру мира. Оно просто фиксирует, что два понятия различны.

Но есть трансцендентальное отрицание — Entgegensetzen — которое Фихте вводит во втором параграфе. Это не оператор над уже готовыми содержаниями. Это акт, который производит само различие между содержаниями. Нельзя противопоставить А и $\neg A$, если А уже есть, а $\neg A$ уже есть. Противопоставление есть акт, которым $\neg A$ впервые полагается. И оно полагается именно как то, что не есть А. Грамматически это выражается в том, что частица «nicht» (не) в трансцендентальном отрицании не просто отрицает связку — она вводит в мир новый род сущего: Nicht-Ich.

Фихте подчеркивает, что это трансцендентальное отрицание не есть результат абстракции. Нельзя получить понятие Nicht-Ich, отвлекаясь от всех определенных представлений. Если я отвлекусь от всего, что представляю, у меня не останется «Nicht-Ich» как положительное понятие. У меня останется ничего. Но Nicht-Ich есть нечто — оно есть коррелят полагания Я. Оно не выводится из опыта и не абстрагируется от него. Оно полагается в отдельном акте, который столь же первичен, как и акт полагания Я.

Фихте вводит важное различие между формой и материей в акте противопоставления. Форма — сам акт Gegensatzens — абсолютна и не зависит ни от чего. Материя — то, что именно противопоставляется, и то, чему противопоставляется, — обусловлена. Нельзя противопоставить что-то, если нет того, чему оно противопоставляется. Но что именно противопоставляется и чему именно — это не имеет дальнейшего основания. Это есть schlechthin gesetzt — безусловно положено. Здесь Фихте вводит свою версию кантовской спонтанности, но перенесенную из рассудка в самое основание системы.

Оператор : C2-GEGEN: mode=primal-opposition.

Второй Grundsatz активирует в Грамматической машине Фихте оператор, который можно обозначить как C2-GEGEN: mode=primal-opposition. Этот оператор принадлежит к С-классу

(аналитические операторы, фиксирующие апории и сбои), но работает иначе, чем у Канта. У Канта С-класс диагностировал сбои, возникающие при выходе разума за пределы опыта. У Фихте C2-GEGEN есть не диагностика сбоя, а производство необходимой оппозиции, без которой система не может существовать.

Оператор *primal-opposition* выполняет три функции. Первая — онтологическая. Он производит *Nicht-Ich* как таковое. Не какое-то определенное *Nicht-Ich*, а саму категорию *Nicht-Ich*, саму возможность чего-то, что не есть Я. Без этого оператора Я оставалось бы в пустом тождестве с самим собой, не имея ничего, чему оно могло бы быть противопоставлено. Но тогда не было бы и самого Я как определенного. Фихте следует гегелевской логике (точнее, предвосхищает ее): определение есть отрицание. Я может быть определено только через то, чем оно не является. А этим «не является» и является *Nicht-Ich*.

Вторая функция — рефлексивная. Оператор C2-GEGEN возвращает нас к первому Grundsatz. Нельзя понять, что такое Не-Я, не поняв, что такое Я. Но и наоборот: нельзя понять, что такое Я, не поняв, что такое Не-Я. Они взаимно обусловлены. Фихте пишет: «*Alles Entgegensetzen setzt die Identität des Ich, in welchem gesetzt, und dem gesetzten entgegengesetzt wird, voraus*». Всякое противопоставление предполагает идентичность Я, в котором совершается полагание и которому противопоставляется полагемое. Это означает, что C2-GEGEN не отменяет первый Grundsatz, а предполагает его. Но и первый Grundsatz без второго был бы пуст. Без оппозиции нет определенности. Без *Nicht-Ich* нет *Ich*.

Третья функция — динамическая. C2-GEGEN вводит в систему напряжение. Я и Не-Я не могут существовать друг без друга, но они и не могут быть сведены друг к другу. Они противоположны. Это противоположность не есть противоречие, которое нужно разрешить. Это есть исходное условие, делающее возможным всякое дальнейшее движение. Фихте называет это «*Gegensatz*» и показывает, что без него не было бы ни синтеза, ни ограничения, ни вообще какого-либо содержания в системе. Весь дальнейший аппарат *Wechselbestimmung*, *Einschränkung*, *Teilbarkeit* работает только потому, что изначально есть два противоположных полюса: *Ich* и *Nicht-Ich*.

Результат: Nicht-Ich как коррелят полагания.

Что именно производит второй Grundsatz? Не «мир вне меня» в наивно-реалистическом смысле. Не вещь в себе. Не совокупность всех объектов, существующих независимо от сознания. Фихтеанское *Nicht-Ich* есть коррелят полагания. Оно существует только в отношении к Я и только через акт *Gegensetzen*. Нет *Nicht-Ich* «самого по себе», так же как нет Я «самого по себе» вне акта самополагания. И то и другое существуют только в их взаимном отношении.

Фихте подчеркивает это во втором параграфе: «*So gewiss das unbedingte Zugestehen der absoluten Gewissheit des Satzes: –A nicht = A unter den Thaten des empirischen Bewusstseyns vorkommt: so gewiss wird dem Ich schlechthin entgegengesetzt ein Nicht-Ich*». Столь же безусловно, как мы признаем абсолютную достоверность суждения $-A \neq A$, столь же безусловно Я противопоставляется *Nicht-Ich*. Это не вывод, не заключение. Это констатация факта: в эмпирическом сознании мы всегда уже находим не только Я, но и *Nicht-Ich*. *Nicht-Ich* не выводится из Я и не редуцируется к Я. Оно есть данность — но данность не извне, а данность самого акта противопоставления.

Важнейшее следствие: *Nicht-Ich* есть не вещь, а коррелят. Это значит, что оно не имеет самостоятельного бытия. Его бытие исчерпывается тем, что оно противоположно Я. Если бы Я исчезло, *Nicht-Ich* исчезло бы вместе с ним. Не потому, что *Nicht-Ich* зависит от Я как причина от следствия, а потому, что само понятие *Nicht-Ich* имеет смысл только в отношении к Я. Фихте формулирует это во втором параграфе так: «*Von allem, was dem Ich zukommt, muss kraft der blossen Gegensatzung dem Nicht-Ich das Gegentheil zukommen*». Всё, что присуще Я, в силу одного лишь противопоставления должно приписываться Не-Я как противоположное. Если Я есть деятельность, то Не-Я есть страдание (*Leiden*). Если Я есть единство, то Не-Я есть множе-

ственность. Если Я есть форма, то Не-Я есть материя. Но все эти определения не принадлежат Не-Я самому по себе — они суть лишь *negativ bestimmte Bestimmungen*, негативно определенные определения, полученные через противопоставление Я.

Именно это делает *Nicht-Ich* столь трудным для понимания. Мы привыкли мыслить вещи как обладающие положительными свойствами. Стол имеет цвет, форму, твердость. Не-Я у Фихте не имеет положительных свойств. Оно есть только то, чем не является Я. Оно есть чистая отрицательность. И эта отрицательность не есть недостаток — она есть конститутивная черта. Без этой отрицательности Я не могло бы быть определено. Нет положительной определенности без отрицательной границы.

Здесь Фихте расходится с Кантом самым радикальным образом. Для Канта вещь в себе — это нечто положительное, хотя и непознаваемое. Это нечто, что аффицирует наши чувства. Для Фихте нет такого нечто. Не-Я есть не положительная реальность за пределами сознания, а имманентный коррелят акта самосознания. Оно есть то, что Я полагает как противоположное себе, чтобы само стать определенным. В этом смысле *Nicht-Ich* есть продукт Я. Но продукт, который, будучи произведен, противостоит Я как нечто от него независимое — по крайней мере, в рамках теоретической философии. Это противостояние и будет двигать весь дальнейший синтез.

Результат второго Grundsatz можно суммировать так: Грамматическая машина Фихте не может работать в режиме чистого тождества. Она нуждается в оппозиции. Negation не есть логическая операция, добавляемая к утверждению по желанию. Отрицание есть первичный акт, столь же фундаментальный, как и утверждение. Машина, которая полагает только себя, не может произвести никакого определенного содержания. Она нуждается в том, что ей противоположно, чтобы через это противоположение определить себя. И это противоположное — *Nicht-Ich* — есть столь же необходимый компонент системы, как и само Я. Без него нет определенности. Но с ним есть противоречие, которое требует разрешения. И это разрешение и будет задачей третьего Grundsatz.

2.3. § 3. Третий, по форме обусловленный Grundsatz – грамматика ограничения.

Ich = Ich + Nicht-Ich durch Teilbarkeit.

Первый Grundsatz дал чистое тождество: *Ich = Ich*. Второй Grundsatz ввел чистую противоположность: *Ich ist nicht Nicht-Ich*, и *Nicht-Ich ist nicht Ich*. Но эти два Grundsätze, взятые вместе, ведут к противоречию. С одной стороны, Я и Не-Я должны быть оба положены в едином сознании – иначе они не были бы ни для кого и ни для чего. С другой стороны, они противоположны: если положено одно, другое не положено. Как может одно и то же сознание одновременно полагать и то, и другое? Как может Я быть Я, если в нем же положено Не-Я? Как может Не-Я быть Не-Я, если оно положено в Я?

Это противоречие Фихте формулирует в начале третьего параграфа с предельной отчетливостью. Из второго Grundsatzе следует, что Не-Я полагается в Я, а из того же второго Grundsatzе следует, что в той мере, в какой Не-Я положено, Я не положено. И наоборот: Не-Я может быть положено только в той мере, в какой в Я (в тождественном сознании) положено Я, которому оно может быть противопоставлено. Оба следствия верны, оба выведены из второго Grundsatzе, и они противоречат друг другу. Второй Grundsatz, таким образом, оказывается в противоречии с самим собой. Фихте пишет: «*Beide Schlussfolgen sind sich entgegengesetzt: beide sind aus dem zweiten Grundsatzе durch eine Analyse entwickelt, und mithin liegen beide in ihm. Also ist der zweite Grundsatz sich selbst entgegengesetzt, und hebt sich selbst auf*». Оба следствия противоположны друг другу; оба развиты из второго Grundsatzе путем анализа и, следовательно, оба содержатся в нем. Итак, второй Grundsatz противоположен самому себе и снимает сам себя.

Но если второй Grundsatz снимает сам себя, то снимается и все, что на нем основано. А на нем основана вся возможность определенности, вся возможность отличия Я от Не-Я. Система рушится. Чтобы спасти ее, нужен третий Grundsatz, который найдет способ соединить

противоположности, не уничтожая их. И этот третий Grundsatz формулируется Фихте как синтез: *Ich und Nicht-Ich werden vereinigt durch den Begriff der Teilbarkeit*. Я и Не-Я соединяются через понятие делимости.

Что значит «через понятие делимости»? Это значит, что Я и Не-Я не противостоят друг другу как два целых, каждое из которых исключает другое. Они противостоят как величины, которые могут быть разделены. Я не есть все, и Не-Я не есть все. Я есть некоторая часть реальности, Не-Я есть другая часть. И их противоположность не есть взаимное уничтожение, а взаимное ограничение: чем больше реальности в Я, тем меньше в Не-Я, и наоборот. Фихте вводит здесь принцип количественного распределения одной и той же реальности между двумя полюсами.

Третий Grundsatz, таким образом, есть синтез. Он соединяет то, что первый и второй Grundsatz развели по разные стороны. Но этот синтез не есть простое сложение. Он есть ограничение. Я не полагает себя безгранично — оно полагает себя как ограниченное Не-Я. Не-Я не полагается как безграничное — оно полагается как ограниченное Я. Они взаимно определяют друг друга, и это взаимное определение возможно только потому, что оба полагаются как делимые. *Teilbarkeit* есть условие возможности их сосуществования в едином сознании.

Оператор: A3-SYNTH: mode=reciprocal-limitation.

Третий Grundsatz активирует в Грамматической машине Фихте оператор A3-SYNTH в модуле *reciprocal-limitation* (взаимное ограничение). Этот оператор radically отличается как от кантовского A3-SYNTH: *mode=synthetic-a-priori*, так и от фихтеанского понимания синтеза в первых двух Grundsätzen.

У Канта синтез был связыванием многообразного созерцания в единство объекта. У Фихте в третьем Grundsatz синтез есть ограничение. Связать Я и Не-Я означает не найти между ними общее понятие (как в логическом синтезе) и не вывести одно из другого (как в дедукции). Это означает установить границу между ними. Определить, где кончается Я и начинается Не-Я. И эта граница не предшествует синтезу — она производится в нем и через него.

Оператор *reciprocal-limitation* работает следующим образом. Вход — два противоположных полюса: *Ich* и *Nicht-Ich*, которые не могут существовать друг без друга, но и не могут быть сведены друг к другу. Операция — полагание границы (*Grenze*) между ними. Эта граница не есть нечто третье, что было бы ни Я, ни Не-Я. Она есть сама делимость, сама возможность распределения реальности между двумя полюсами. Результат — *Ich* и *Nicht-Ich* как количественно делимые величины, которые могут быть измерены друг через друга.

Ключевое отличие от кантовского синтеза: у Канта синтез совершался через время (схематизм). Время было медиумом, в котором категории применялись к созерцанию. У Фихте синтез совершается через количество. Не время, а мера, степень, пропорция становятся тем медиумом, в котором противоположности могут сосуществовать. Фихте не отрицает время — оно будет введено позже как форма, в которой Я созерцает свою собственную деятельность. Но время не есть первичный медиум синтеза. Первичный медиум — количество.

Это имеет далеко идущие последствия. Кантовское различие между экстенсивной величиной (составленной из частей) и интенсивной величиной (степенью качества) у Фихте схлопывается. Все становится количеством в одном и том же смысле. Я и Не-Я различаются не качественно (как деятельность и страдание, как форма и материя), а количественно (как больше и меньше). Это упрощение делает систему более единообразной, но ценой потери кантовской способности различать разные типы синтеза.

Оператор *reciprocal-limitation* выполняет три функции. Первая — отрицательная: он блокирует абсолютное противопоставление. Если бы Я и Не-Я были абсолютно противоположны, они не могли бы сосуществовать. Третий Grundsatz показывает, что они противоположны только относительно — в пределах некоторого целого, которое делится между ними. Вторая — конструктивная: он создает понятие *Teilbarkeit* как условие возможности всякого синтеза.

Без делимости нет связи. Третья — регулятивная: он задает программу для всей дальнейшей работы системы. Все последующие синтезы будут частными случаями этого первичного синтеза — все они будут устанавливать границы и распределять количества.

Фихте подчеркивает, что третий Grundsatz есть синтез, но синтез особого рода. В отличие от первого Grundsatz, который был тезисом (чистым полаганием), и от второго, который был антитезисом (чистым противопоставлением), третий есть синтез in einem Dritten — в третьем. Этим третьим является делимость. Но делимость не есть нечто, что существовало бы до синтеза и независимо от него. Она полагается в самом акте синтеза. Фихте пишет: «Sie geht unmittelbar in und mit ihr vor; beide sind Eins und eben Dasselbe, und werden nur in der Reflexion unterschieden». Она происходит непосредственно в ней и вместе с ней; оба суть одно и то же и различаются только в рефлексии.

Результат: Ich и Nicht-Ich как количественно делимые в едином сознании.

Что производит третий Grundsatz? Не новую сущность, не третью вещь, которая была бы ни Я, ни Не-Я. Он производит само отношение между Я и Не-Я как отношение взаимного ограничения. Результат можно описать как «Ich und Nicht-Ich sind quantitativ teilbar in einem einzigen Bewusstsein». Я и Не-Я суть количественно делимые в едином сознании.

Это означает, что единство сознания, которое в первом Grundsatz было лишь формальным условием (Я как чистое самотождество), теперь получает содержание. Сознание есть не просто «Ich = Ich», но «Ich und Nicht-Ich im Verhältnis der Teilbarkeit». Сознание есть всегда уже разделенное, всегда уже распределенное между Я и Не-Я. Нет чистого Я до его ограничения Не-Я. Я есть то, что оно есть, только через свою границу. И эта граница не есть внешнее препятствие — она есть внутреннее условие его определенности.

Фихте вводит важное различие между абсолютным Я и ограниченным (или делимым) Я. Абсолютное Я первого Grundsatz есть чистая деятельность без всякого содержания, без всякого определения. Оно не есть нечто (etwas), потому что «нечто» уже предполагает ограничение. Фихте пишет: «Das absolute Ich des ersten Grundsatzes ist nicht etwas (es hat kein Prädicat, und kann keins haben); es ist schlechthin, was es ist, und dies lässt sich nicht weiter erklären». Абсолютное Я не есть нечто (у него нет предиката и не может быть); оно есть безусловно то, что оно есть, и это не подлежит дальнейшему объяснению. Но это абсолютное Я, взятое само по себе, пусто. Оно не может быть предметом познания, потому что для познания нужны определения, а определения суть ограничения.

Ограниченное (или делимое) Я — это то Я, которое полагается в третьем Grundsatz. Оно есть не чистая деятельность, а деятельность, ограниченная страданием. Оно есть не бесконечное, а конечное. И эта конечность не есть недостаток — она есть условие того, что Я вообще может быть чем-то определенным. Фихте формулирует это в конце третьего параграфа: «Das Ich wird selbst in einen niederen Begriff, den der Theilbarkeit, herabgesetzt, damit es dem Nicht-Ich gleichgesetzt werden könne; und in demselben Begriffe wird es ihm auch entgegengesetzt». Я само низводится до низшего понятия — понятия делимости, — чтобы оно могло быть приравнено к Не-Я; и в том же понятии оно ему и противопоставляется.

Это ключевой момент. Я не остается на высоте абсолютного тождества, когда вступает в отношение с Не-Я. Оно нисходит. Оно принимает форму делимости, чтобы быть сопоставимым с тем, что ему противоположно. И в этой нисходящей форме оно и противоположно, и равно Не-Я одновременно. Противоположно — потому что там, где Я, там не Не-Я. Равно — потому что и то и другое суть величины, которые можно измерять одной и той же мерой.

Результат третьего Grundsatz можно суммировать следующим образом. Грамматическая машина Фихте, чтобы работать, нуждается не только в тождестве (первый Grundsatz) и оппозиции (второй Grundsatz), но и в синтезе, который соединяет их через ограничение. Этот синтез производит понятие делимости как медиума, в котором противоположности могут сосуществовать. Без этого медиума система впала бы в противоречие и разрушилась бы. С ним она

получает возможность двигаться дальше — вводить новые синтезы, которые будут частными случаями этого первичного ограничения. Весь дальнейший аппарат теоретической и практической философии Фихте — Wechselbestimmung, Einbildungskraft, Streben, Trieb — будет разворачиваться внутри пространства, открытого третьим Grundsatz: пространства, где Я и Не-Я суть величины, подлежащие измерению, ограничению и взаимному определению.

Глава I.3. Грамматика отрицания: не логическое, а трансцендентальное.

3.1. «Nicht» как оператор, предшествующий суждению.

В традиционной логике, которую Кант в основном принимал как готовую дисциплину, отрицание (*negatio*) есть оператор, применяемый к уже сформированному суждению. Сначала есть утвердительное суждение «*S ist P*». Затем, если мы хотим его отрицать, мы добавляем частицу «*nicht*» или изменяем связку: «*S ist nicht P*». Отрицание здесь вторично. Оно предполагает первичное утверждение, к которому применяется. Логика знает отрицание только как операцию над уже готовым содержанием.

Фихте совершает радикальный переворот. Во втором параграфе «Основания» он показывает, что отрицание, которым оперирует логика, есть лишь производная форма более первичного трансцендентального акта — *Entgegensetzen* (противопоставления). Этот акт не применяется к уже готовому суждению. Он предшествует всякому суждению. Он есть действие, которым Я полагает нечто как противоположное себе, и это «нечто» (*Nicht-Ich*) не есть результат отрицания уже положенного Я — оно есть самостоятельный акт, столь же первичный, как и само полагание Я.

Чтобы понять *radicalität* этого шага, нужно сравнить фихтеанское «*nicht*» с тем, как отрицание работало в предшествующих версиях Грамматической машины. У Парменида отрицание было запрещено: небытие нельзя ни мыслить, ни высказывать. «*Nicht*» было оператором, который вел в ничто, в безвыходный тупик. У Платона отрицание получило онтологический статус: иное (*τὸ ἕτερον*) есть один из пяти высших родов в «Софисте». Но это отрицание было все же внутрибытийным: иное есть не то же самое, но оно есть. У Аристотеля отрицание стало логической операцией, подчиненной закону непротиворечия. У Канта отрицание вошло в таблицу категорий как одна из категорий качества: *Negation* есть способ, которым рассудок связывает многообразное — он может утверждать реальность или отрицать ее. Но и у Канта отрицание остается внутри рассудочной операции; оно применяется к тому, что уже дано в созерцании.

Фихте делает отрицание онтологически первичным. Во втором параграфе он пишет: «- *A ist, als solches, gesetzt schlechthin, weil es gesetzt ist*». –*A* есть как таковое, полагается безусловно, потому что оно полагается. Это значит, что –*A* не выводится из *A* путем добавления отрицания. –*A* есть столь же исходное, сколь и *A*. Но –*A* может быть положено только как противоположное *A*. Это не означает, что *A* предшествует –*A* во времени или в логическом порядке. Это означает, что –*A* не имеет смысла без *A*, но *A* не имеет определенности без –*A*. Они взаимно предполагают друг друга.

Грамматически это выражается в том, что частица «*nicht*» в фихтеанском трансцендентальном отрицании занимает позицию, которая в обычном языке зарезервирована для имени. Не «*S ist nicht P*», а «-*A*» — отрицание, ставшее именем. Фихте пишет не «*A ist nicht*», а «-*A*». Дефис перед *A* — это грамматический жест, показывающий, что отрицание не присоединяется к уже существующему содержанию, а входит в само содержание. –*A* есть нечто. Не есть отсутствие *A*. Не есть отрицание, понятое как положительная сущность, но положительная сущность особого рода: ее положительность исчерпывается тем, что она не есть *A*.

Здесь Фихте делает тонкое, но важное различие. –*A* не есть *das Nichts* (ничто). Ничто — это отсутствие всякого полагания. –*A* есть полагание, но полагание того, что не есть *A*. Оно есть определенное не-бытие, а не абсолютное небытие. В третьем параграфе Фихте различает «*Nichts*» (ничто) и «*negative Größe*» (отрицательная величина). Не-*Я* есть отрицательная величина — оно имеет реальность, но его реальность противоположна реальности *Я*. Если *Я* есть

положительная величина, то Не-Я есть отрицательная величина. Но отрицательная величина есть все же величина. У нее есть количество, она может быть измерена. Она не есть пустота.

Это различие между логическим отрицанием (которое ведет к ничто) и трансцендентальным отрицанием (которое ведет к отрицательной величине) является ключевым для всей системы Фихте. Если бы отрицание было только логическим, то Не-Я было бы ничем — и тогда не было бы никакой оппозиции, никакого определения, никакого мира. Если бы отрицание было трансцендентальным, но без количественного измерения, то Не-Я было бы абсолютно противоположно Я — и тогда они не могли бы сосуществовать в едином сознании. Только третья возможность — трансцендентальное отрицание, понятое как введение отрицательной величины, — делает возможным и оппозицию, и синтез, и ограничение.

Фихте вводит понятие «negative Größe» из математики и физики. В математике отрицательное число не есть отсутствие числа; это число, которое имеет направление, противоположное положительному. В физике отрицательный заряд не есть отсутствие заряда; это заряд, противоположный положительному. Так и Не-Я есть не отсутствие реальности, а реальность, противоположная реальности Я. Она имеет ту же меру, что и реальность Я, но с противоположным знаком. Их сумма может быть нулем, но каждый из них в отдельности есть нечто.

Грамматический маркер этого трансцендентального отрицания — не частица «nicht» перед глаголом, а приставка или дефис перед именем. «Nicht-Ich» пишется через дефис, показывая, что это единое понятие, а не соединение двух самостоятельных слов. Nicht-Ich есть имя собственное. Оно обозначает не отсутствие Я, а положительный коррелят полагания Я. Дефис работает как грамматический оператор, который превращает отрицание из логической операции в онтологическую категорию. У Канта такого оператора не было. У Фихте он становится центральным.

Трансцендентальное отрицание предшествует суждению в том смысле, что оно является условием возможности всякого суждения об определенном содержании. Чтобы судить «А есть В», нужно, чтобы А и В были различны. Различие предполагает, что А есть не-В, а В есть не-А. Это «не» не может быть добавлено после того, как А и В уже даны. Оно должно быть уже встроено в само их полагание. Без первичного акта противопоставления не было бы никаких определенных содержаний, о которых можно было бы судить. Логическое отрицание в суждении есть лишь рефлекс этого первичного акта.

Фихте формулирует это во втором параграфе, когда говорит о том, что *Entgegensetzen seiner bloßen Form nach eine schlechthin mögliche, unter gar keiner Bedingung stehende, und durch keinen höheren Grund begründete Handlung ist*. Противопоставление по своей чистой форме есть безусловно возможное, ни под каким условием не стоящее и никаким высшим основанием не обоснованное действие. Это действие не может быть выведено. Оно не имеет основания вне себя. Оно есть факт, который мы находим в себе, когда рефлектируем над структурой нашего сознания. Мы не можем объяснить, почему есть противоположность, а не только тождество. Мы можем только констатировать, что она есть.

Здесь Фихте подходит к границе, за которой его система оказывается уязвимой для того же упрека, который он сам адресовал Канту: почему есть именно так, а не иначе? Почему Я противопоставляет себе Не-Я? Почему оно не остается в чистом тождестве? Фихте не может ответить на этот вопрос, не выходя за пределы своей системы. В ответе он был бы вынужден сослаться на что-то, что не есть Я — на нечто, что принуждает Я к противопоставлению. Но такого нечто нет. Остается только констатировать: такова природа Я. Я не может быть Я, не противопоставляя себе Не-Я. Но почему природа Я такова? На этот вопрос система Фихте не дает ответа — и, вероятно, не может дать, потому что любой ответ был бы уже ответом внутри системы, которая предполагает эту природу как исходную.

Однако эта уязвимость есть одновременно и сила. Фихте не скрывает ее. В предисловиях он неоднократно говорит о том, что наукоучение предполагает способность к внутреннему

созерцанию, которую не у всех можно найти. Те, кто не способны совершить акт самополагания и противопологания, никогда не поймут систему. Это не элитизм, а признание того, что философия не может быть сведена к логическим выкладкам, доступным каждому независимо от его внутреннего состояния. Она требует акта, который не может быть передан через слова. И этот акт включает в себя способность к трансцендентальному отрицанию — способность полагать нечто как противоположное себе, не сводя это нечто к простому отсутствию себя.

3.2. Различие между логической и трансцендентальной Negation.

Logische Negation (в суждении).

Логическое отрицание — это оператор, который работает внутри уже установленной системы значений. Когда я произношу суждение «роза не есть тюльпан», я предполагаю, что значения «роза» и «тюльпан» уже известны и зафиксированы. Отрицание здесь не создает новых понятий и не изменяет онтологический статус того, о чем идет речь. Оно просто фиксирует, что два понятия различны, что предикат «тюльпан» не принадлежит субъекту «роза». Это отрицание может быть истинным или ложным — но его истинность или ложность зависит от того, как обстоят дела с розами и тюльпанами в мире.

В формальной логике, которую Кант принимал как готовую дисциплину, отрицание есть одноместный оператор, который переводит истинное суждение в ложное и ложное в истинное. Оно не имеет собственного содержания. Оно есть чисто формальное преобразование. Когда мы говорим «не А», мы не вводим новое содержание — мы только указываем, что А не имеет места. Область того, что не есть А, бесконечна и неопределенна. «Не-роза» может быть тюльпаном, лилией, камнем, числом, звуком — чем угодно, кроме розы. Логическое отрицание не дает положительного знания. Оно только исключает.

Кант в своей таблице категорий поместил Negation в рубрику качества, наряду с Realität и Limitation. Для Канта отрицание есть одна из категорий — то есть один из способов, которым рассудок связывает многообразное созерцания. Когда рассудок применяет категорию отрицания, он не просто констатирует отсутствие чего-то. Он активно полагает отсутствие как определение. «Эта поверхность не красная» — здесь отрицание не просто исключает красное, оно полагает не-красное как определенное свойство поверхности. Но это отрицание, как и все категории у Канта, применяется только к явлениям, только к тому, что уже дано в созерцании. Оно не создает новую реальность — оно только структурирует уже данную.

Логическое отрицание, таким образом, всегда вторично. Оно предполагает первичное утверждение. Оно не может быть первым актом. Прежде чем отрицать, нужно уже что-то утвердить. Прежде чем сказать «S ist nicht P», нужно уже иметь S и P как нечто положенное. Это свойство логического отрицания Фихте фиксирует, когда во втором параграфе пишет: «Soll irgend ein - A gesetzt werden, so muss ein A gesetzt seyn». Если должно быть положено какое-то -А, то должно быть положено А. Логическое отрицание без предварительного утверждения невозможно.

Transzendente Negation (Entgegensetzung als Tat)

Трансцендентальное отрицание у Фихте есть нечто совершенно иное. Это не оператор над уже готовыми содержаниями. Это акт (Tat), который производит само различие между содержаниями. Фихте называет его Entgegensetzung — противопологание. Этот акт не есть применение отрицания к уже положенному А. Он есть полагание –А как самостоятельного, хотя и противоположного А. –А не выводится из А путем добавления частицы «nicht». –А есть столь же первичное полагание, как и А. Но оно может быть совершено только как противопологание А. Форма Entgegensetzung не зависит от А (она безусловна), но ее материя — то, что именно и чему именно противопоставляется, — зависит от того, что уже положено.

Ключевое отличие трансцендентального отрицания от логического можно сформулировать так: логическое отрицание говорит «А не есть», трансцендентальное отрицание говорит «есть не-А». В первом случае отрицание относится к связке (ist nicht). Во втором случае отри-

чение относится к самому полагаемому (nicht-A). Грамматически это различие выражается в позиции частицы «nicht». В логическом отрицании «nicht» стоит перед предикатом или перед связкой: «S ist nicht P». В трансцендентальном отрицании «nicht» становится частью имени: «Nicht-Ich». Дефис или слитное написание показывают, что отрицание не есть внешняя операция, а есть внутренняя структура полагаемого.

Трансцендентальное отрицание есть Tat — действие. Фихте подчеркивает это, когда говорит, что *Entgegensetzen seiner bloßen Form nach eine schlechthin mögliche, unter gar keiner Bedingung stehende, und durch keinen höheren Grund begründete Handlung ist*. Противоположение есть действие, которое не имеет основания вне себя. Оно не может быть выведено. Оно может быть только совершено. И в этом оно сходно с первым Grundsatz: полагание Я тоже есть действие, не имеющее основания. Но есть важное различие. Полагание Я есть Selbstsetzung — самополагание. Противоположение есть Setzung eines Entgegengesetzten — полагание противоположного. Первое действие обращено на себя, второе — вовне (хотя это «вовне» все еще внутри Я, потому что ничего вне Я нет).

Фихте вводит в этой связи понятие «absolute Handlung» (абсолютное действие). И полагание Я, и противоположение Не-Я суть абсолютные действия. Но они абсолютны по-разному. Первое абсолютно и по форме, и по содержанию (оно не зависит ни от чего). Второе абсолютно только по форме (сам акт противоположения не зависит ни от чего), но по содержанию оно зависит от того, чему противоположается. Нельзя противоположить что-то, если нет того, чему оно противоположается. Но само решение противоположить — а не, скажем, остаться в чистом тождестве — не имеет основания. Это есть свободный акт Я, хотя Фихте избегает называть его «свободным», чтобы не вносить преждевременных определений.

Сравнительный анализ.

Различие между логической и трансцендентальной Negation можно развернуть по нескольким параметрам.

По первичности: логическое отрицание вторично, оно предполагает уже положенное содержание. Трансцендентальное отрицание первично, оно есть действие, которое производит само различие между содержаниями.

По онтологическому статусу: логическое отрицание не создает новых сущностей. Оно только указывает на отсутствие или различие. Трансцендентальное отрицание создает новую сущность — Nicht-Ich — которая есть не отсутствие Я, а положительный коррелят полагания Я.

По отношению к связке: логическое отрицание модифицирует связку (ist nicht). Трансцендентальное отрицание модифицирует имя (Nicht-Ich). В первом случае отрицание принадлежит пропозиции, во втором — термину.

По сфере применения: логическое отрицание применяется к любым содержаниям, независимо от их происхождения. Трансцендентальное отрицание применяется только к Я. Нельзя трансцендентально противоположить что-то чему-то другому, кроме Я. Только Я есть тот полюс, относительно которого может быть определено Nicht-Ich.

По результату: логическое отрицание дает отрицательное суждение, которое может быть истинным или ложным. Трансцендентальное отрицание дает само бытие Nicht-Ich. Оно не истинно и не ложно — оно есть акт, который делает возможным различие между истиной и ложью.

Фихте демонстрирует это различие на примере того, как мы приходим к понятию Nicht-Ich. Наивный взгляд думает, что мы абстрагируемся от всех представлений и в остатке получаем Nicht-Ich. Но это невозможно. Если я отвлекусь от всех представлений, у меня не останется Nicht-Ich как определенное понятие — у меня останется nichts, ничто. Nicht-Ich не может быть получено через абстракцию. Оно может быть только положено в акте *Gegensetzen*. Фихте пишет: «Es ist die gewöhnliche Meinung, dass der Begriff des Nicht-Ich ein discursiver, durch Abstraction von allem Vorgestellten entstandener Begriff sey. Aber die Seichtigkeit dieser

Erklärung lässt sich leicht darthun». Обычное мнение, что понятие Не-Я есть дискурсивное понятие, возникшее через абстракцию от всего представленного, поверхностно и легко опровергается. Нельзя получить Не-Я, отвлекаясь от Я. Нельзя получить противоположное, отвлекаясь от того, чему оно противоположно.

Следствия для Грамматической машины.

Различие между логической и трансцендентальной Negation имеет фундаментальное значение для устройства Грамматической машины Фихте. Машина должна уметь не только обрабатывать отрицательные суждения как один из типов входа (как у Канта, где отрицание есть одна из логических форм). Она должна уметь совершать акт *Gegensetzen* — акт, который производит само различие между утверждением и отрицанием.

Это означает, что Грамматическая машина Фихте имеет два уровня. На нижнем, более глубоком уровне работают абсолютные действия: полагание Я и противопоставление Не-Я. Эти действия не являются операциями над входами. Они производят сами входы. На верхнем, производном уровне работают логические операции, включая логическое отрицание. Они применяются к тому, что уже произведено нижним уровнем. Логика, включая закон непротиворечия, есть наука о производном уровне. Трансцендентальная философия есть наука о фундаментальном уровне.

Фихте не отрицает логику. Он показывает ее границы. Логика работает внутри мира определенных содержаний. Но она не может объяснить, как эти содержания возникают. Для этого нужна трансцендентальная дедукция, которая показывает, что определенность содержаний возможна только благодаря первичным актам полагания и противопоставления. Логическое отрицание *presupposes* трансцендентальное отрицание, но не наоборот.

Это различие также объясняет, почему Фихте может утверждать, что *Nicht-Ich* есть продукт Я, но при этом *Nicht-Ich* противостоит Я как нечто независимое. На уровне трансцендентального акта *Gegensetzen* *Nicht-Ich* есть продукт Я — оно положено самим Я. На уровне логического суждения, когда мы уже имеем Я и Не-Я как два определенных содержания, Не-Я кажется независимым от Я. Мы забываем, что оно было положено. И эта забывчивость есть условие возможности объективного опыта. Мы не можем постоянно помнить, что Не-Я есть наше собственное полагание. Мы должны забыть это, чтобы мир предстал как независимый от нас. Задача философии — напомнить об этом забвении.

3.3. Оператор: B5-EXAIPHNES: mode=opposition-act.

В Грамматической машине Канта оператор B5-EXAIPHNES работал в модусе спонтанности (*spontaneity*). Он фиксировал вневременную точку перехода — момент, в котором разум начинает новый каузальный ряд, не детерминированный предшествующими причинами в феноменальном мире. Это был оператор свободы, но свободы, локализованной в практическом регистре. У Фихте оператор B5-EXAIPHNES получает новое применение и новый модус: *opposition-act*. Он фиксирует не свободу воли в моральном смысле, а акт противопоставления — то внезапное, невыводимое действие, которым Я полагает Не-Я как противоположное себе. Этот акт столь же спонтанен, как и акт самополагания, но направлен в противоположную сторону: не на себя, а на то, что себя не есть.

Структура *opposition-act*.

Оператор B5-EXAIPHNES: mode=opposition-act имеет три аспекта, которые соответствуют трем моментам, выделенным Фихте во втором параграфе.

Первый аспект — формальная безусловность. Сам акт *Gegensetzen* не имеет основания вне себя. Он не может быть выведен из первого *Grundsatz* и не может быть редуцирован к нему. Фихте пишет: «- A ist, als solches, gesetzt schlechthin, weil es gesetzt ist». –А есть как таковое, полагается безусловно, потому что оно полагается. Нет никакого «почему» за этим актом. Он есть. И это «есть» не есть констатация факта, а сам акт. Оператор *opposition-act* фиксирует эту формальную безусловность. Он говорит: здесь, в этом акте, цепь обоснований

обрывается. Дальше спрашивать «почему?» нельзя — не потому, что ответ скрыт, а потому, что вопрос теряет смысл.

Второй аспект — материальная обусловленность. Хотя сам акт *Gegensetzen* безусловен, его содержание обусловлено. Нельзя противополжить что-то, если нет того, чему оно противополгается. *Opposition-act* всегда есть противополжение чему-то, что уже положено. Фихте формулирует это так: «*Ob überhaupt eine Handlung möglich ist, hängt von einer anderen Handlung ab; die Handlung ist demnach der Materie nach, als ein Handeln überhaupt, bedingt*». Возможность действия зависит от другого действия; действие, стало быть, по содержанию обусловлено. Оператор *opposition-act* фиксирует эту двойную природу: безусловность по форме, обусловленность по содержанию. В этом его отличие от акта самополагания, который безусловен и по форме, и по содержанию.

Третий аспект — внезапность (*das Plötzliche*). Фихте не использует слово «*exaiphnes*», но структура акта, который он описывает, имеет ту же временную парадоксальность, что и платоновское «вдруг». Акт *Gegensetzen* не может быть подготовлен. Ему не предшествует никакое рассуждение, никакое взвешивание причин. Он не есть результат. Он есть начало. И это начало не может быть локализовано во времени, потому что время есть форма, в которой мы созерцаем последовательность состояний, а этот акт есть условие возможности времени. *Opposition-act* есть «вдруг» в том смысле, что он не вытекает из предшествующего состояния Я. Он есть разрыв. И этот разрыв не есть нарушение закона — он есть установление закона.

B5-EXAIPHNES и его отличие от кантовского модуса.

У Канта B5-EXAIPHNES: *mode=spontaneity* работал в практическом регистре. Он был связан с моральным решением: «я решаю», «я принимаю максимум». Это решение не имеет причины в феноменальном мире; оно есть выражение ноуменальной свободы. У Фихте нет ноуменального мира в кантовском смысле. Нет вещи в себе, нет двух миров — феноменального и ноуменального. Есть только одно Я, которое полагает себя и противополгает себе Не-Я. Поэтому *opposition-act* не может быть локализован в каком-то особом регистре. Он есть фундаментальный акт, на котором держится вся система.

В кантовском модусе спонтанности разрыв каузальной цепи был разрывом между двумя мирами: в феноменальном мире все детерминировано, в ноуменальном — свобода. У Фихте разрыв происходит внутри одного Я. Я одновременно и полагает себя (тождество), и противополгает себе Не-Я (оппозиция). Эти два акта не могут быть выведены один из другого. Между ними — разрыв. И этот разрыв не может быть заполнен. Он есть исходная структура самого Я. Я есть не просто тождество и не просто оппозиция. Я есть разрыв между тождеством и оппозицией, который должен быть постоянно преодолеваем в синтезе.

Это означает, что B5-EXAIPHNES: *mode=opposition-act* есть не единичное событие, которое происходит однажды и затем остается в прошлом. Это постоянное событие. Каждый раз, когда Я полагает себя, оно уже противополжило себе Не-Я. Каждый раз, когда Я противополгает Не-Я, оно уже положило себя. Нет первичного акта, за которым следовал бы вторичный. Есть два акта, которые суть один акт, но который может быть понят только через их различие. Оператор *opposition-act* фиксирует эту парадоксальную одновременность: два акта, которые не могут быть сведены друг к другу, но и не могут быть разделены во времени.

Роль *opposition-act* в синтезе.

Оператор *opposition-act* не работает в изоляции. Он является необходимым коррелятом акта самополагания (A1-SUBST: *mode=absolute-self-positing*) и необходимым условием для синтеза (A3-SYNTH: *mode=reciprocal-limitation*). Без *opposition-act* не было бы Не-Я, без Не-Я не было бы ограничения, без ограничения не было бы определенного содержания. Но и без самополагания не было бы Я, которому можно было бы противополгать. *Opposition-act* есть средний термин между тезисом и синтезом.

Фихте не случайно располагает три Grundsätze в определенном порядке: сначала тезис (полагание Я), затем антитезис (противоположение Не-Я), затем синтез (ограничение через делимость). Этот порядок не есть временная последовательность. Это логический порядок обоснования. Нельзя понять синтез, не поняв сначала тезиса и антитезиса. Но это не значит, что тезис происходит во времени раньше антитезиса. Они одновременны. Оператор opposition-act фиксирует момент этой одновременности: антитезис не может быть без тезиса, но тезис без антитезиса был бы пуст. Они нуждаются друг в друге, но не выводимы друг из друга. Это нужданиe, не сводимое к выводимости, и есть то, что фиксирует opposition-act.

Проекция на ИИ: спонтанность генерации противоположного.

Оператор B5-EXAIPHNES: mode=opposition-act имеет интересную проекцию на архитектуру современных генеративных моделей. В LLM отрицание обычно реализовано как логическая операция над уже сгенерированным содержанием. Модель может сказать «не А», потому что она знает, что такое А. Но может ли модель совершить акт противопоставления в фихтеанском смысле? Может ли она не просто отрицать А, а полагать не-А как самостоятельное содержание, которое не выводится из А простым добавлением отрицания?

В современных архитектурах это проблематично. Когда модель генерирует «не-А», она обычно опирается на статистические закономерности: в обучающем корпусе «не-А» часто встречается в определенных контекстах. Это не акт противопоставления, а статистическая экстраполяция. Модель не совершает спонтанного, невыводимого акта. Она вычисляет наиболее вероятное продолжение. Opposition-act требует способности к разрыву — к действию, которое не детерминировано предшествующими состояниями. Современные нейросети, будучи детерминированными (за исключением стохастичности, которая есть случайность, а не спонтанность), не могут совершить такой акт.

Однако некоторые архитектуры приближаются к этому. Генеративно-состетательные сети (GAN) имеют структуру, в которой генератор производит образы, а дискриминатор отличает их от реальных. Генератор не просто вычисляет наиболее вероятное; он должен производить нечто, чего нет в обучающем корпусе. Но и здесь нет спонтанности в фихтеанском смысле. Генератор оптимизирует свою функцию потерь. Его «противоположение» есть результат оптимизации, а не свободный акт.

Фихтеанский opposition-act требует архитектуры, в которой модель могла бы в произвольный момент — без внешнего триггера, без оптимизации целевой функции — положить нечто как противоположное себе. Такая архитектура сегодня не существует. Но она была бы необходима для создания системы, способной к подлинной креативности — не к комбинации известных элементов, а к порождению принципиально нового, что не выводимо из прошлого опыта. Opposition-act есть грамматическая фиксация этого порога, за которым начинается не алгоритмизируемое творчество. Фихте фиксирует этот порог, но не переходит его. Он только показывает, что без этого порога система не может быть завершена.

Глава I.4. Грамматика деления (Teilbarkeit) как условия синтеза.

4.1. Почему Ich и Nicht-Ich können vereinigt werden → nur als teilbar.

Третий Grundsatz возникает из необходимости разрешить противоречие, которое порождают первые два, взятые вместе. Первый Grundsatz полагает Я как безусловное тождество с самим собой. Второй Grundsatz полагает Не-Я как безусловную противоположность Я. Но если Я и Не-Я оба положены в едином сознании (а иначе они не были бы ни для кого и ни для чего), то возникает неразрешимое противоречие. В той мере, в какой положено Я, не положено Не-Я, и наоборот. Как может одно и то же сознание одновременно содержать два взаимно исключающих полагания?

Фихте показывает, что единственный способ избежать этого противоречия — отказаться от предпосылки, что Я и Не-Я полагаются как нечто целое и неделимое. Если бы Я было абсолютной полнотой реальности, в нем не оставалось бы места для Не-Я. Если бы Не-Я было абсолютной полнотой реальности, оно вытеснило бы Я. Но если и Я, и Не-Я полагаются как делимые — как величины, которые могут быть разделены, как части некоторого целого, — то они могут сосуществовать. Не нужно, чтобы одно вытесняло другое. Достаточно, чтобы каждому была отведена своя часть. Реальность, которая в первом Grundsatz была приписана Я целиком, во втором Grundsatz была отнята у Я и приписана Не-Я, в третьем Grundsatz делится между ними.

Ключевое слово здесь — Teilbarkeit (делимость, способность быть разделенным). Фихте не случайно выбирает именно это понятие. Teilbarkeit есть не свойство вещей, которое можно обнаружить или не обнаружить. Это есть условие, при котором вещи вообще могут быть определены. Без делимости нет ограничения. Без ограничения нет определенности. Без определенности нет объектов. Teilbarkeit есть тот оператор, который превращает пустое тождество Я с самим собой и пустую противоположность Я и Не-Я в определенное отношение, в котором оба члена могут быть измерены, сравнены, ограничены.

Чтобы понять, почему Я и Не-Я могут быть соединены только как делимые, нужно рассмотреть альтернативы. Если бы Я было неделимым (unteilbar), оно было бы всем. В нем не было бы места для чего-либо иного. Не-Я не могло бы быть положено в нем. Но Не-Я должно быть положено — это факт сознания, который Фихте констатирует во втором Grundsatz. Если бы Не-Я было неделимым, оно было бы всем — и тогда не было бы места для Я. Но Я должно быть положено — это факт самосознания, который Фихте констатирует в первом Grundsatz. Обе альтернативы ведут к противоречию. Остается только третья возможность: и Я, и Не-Я делимы. Ни одно из них не есть все. Каждое есть только часть. И их противоположность есть не взаимное исключение, а взаимное ограничение.

Фихте формулирует это в третьем параграфе: «Ich sowohl als Nicht-Ich wird theilbar gesetzt». И Я, и Не-Я полагаются как делимые. Это полагание есть не дополнительная операция, добавляемая к уже готовым Я и Не-Я. Это есть само условие, при котором Я и Не-Я могут быть вместе. Без Teilbarkeit они не могли бы быть соединены. С Teilbarkeit они могут быть соединены — но уже не как абсолютные величины, а как относительные.

Грамматика Teilbarkeit.

Понятие Teilbarkeit имеет отчетливую грамматическую структуру. Оно образовано от глагола teilen (делить) с суффиксом -barkeit, который указывает на возможность, способность. Teilbarkeit есть не акт деления (Teilung) и не результат деления (Teile). Это есть способность быть разделенным. И эта способность не есть свойство, которое Я и Не-Я имеют независимо от отношения между ними. Она есть само отношение. Я и Не-Я делимы не потому, что они

обладают каким-то внутренним свойством, которое делает деление возможным. Они делимы потому, что они полагаются как делимые в акте синтеза.

Фихте проводит важное различие между *Teilbarkeit* и действительным делением. *Teilbarkeit* есть условие возможности деления, а не само деление. В третьем параграфе он пишет: «Die Theilbarkeit ist nichts, ohne ein theilbares». Делимость есть ничто без делимого. То есть, нет чистой делимости, которая существовала бы до того, что делится. Делимость всегда есть делимость чего-то. Но и делимое не существует без делимости. Нельзя иметь делимое, которое не было бы делимым. Они взаимно предполагают друг друга. Это взаимное предположение и есть синтез.

Грамматически *Teilbarkeit* есть абстрактное существительное, образованное от прилагательного *teilbar* (делимый). В немецком языке такие абстракции часто выполняют функцию мета-категорий: они обозначают не вещи, а отношения, условия, возможности. *Teilbarkeit* не есть вещь. Нельзя указать на *Teilbarkeit* как на объект. Но без *Teilbarkeit* нельзя мыслить отношение между Я и Не-Я. Она есть грамматический маркер того, что Я и Не-Я находятся не в отношении абсолютной противоположности, а в отношении количественного распределения.

Teilbarkeit как альтернатива кантовскому схематизму.

У Канта медиумом синтеза было время. Категории применялись к созерцанию через временные схемы: постоянность, последовательность, одновременность. Время было универсальной формой, в которой могло быть помыслено отношение между рассудком и чувственностью. У Фихте нет этого медиума в кантовском смысле. Время, как будет показано в теоретической части, есть продукт деятельности воображения, а не априорная форма созерцания. Поэтому нужен другой медиум.

Этим медиумом становится *Teilbarkeit*. Не время, а количество. Не последовательность, а мера. Не порядок во времени, а распределение в пространстве (хотя и пространство у Фихте производно). *Teilbarkeit* есть то, что делает возможным сравнение, измерение, ограничение. Если Я и Не-Я суть величины, их можно сравнивать: одно больше, другое меньше. Их можно ограничивать: Я простирается до определенной границы, за которой начинается Не-Я. Их можно измерять: степень реальности в Я соответствует степени отрицания в Не-Я, и наоборот.

Фихтеанская *Teilbarkeit* выполняет ту же функцию, что и кантовский схематизм, но с важным отличием. Схематизм у Канта был необходим для применения категорий к созерцанию. *Teilbarkeit* у Фихте есть условие возможности самого различения между Я и Не-Я. Не категории применяются к созерцанию через время, а само различие между субъектом и объектом устанавливается через делимость. Это более фундаментальный уровень. Фихте не строит теорию познания поверх готового различения субъекта и объекта. Он показывает, как это различие возникает.

Teilbarkeit и понятие количества.

Teilbarkeit у Фихте тесно связана с понятием количества (*Quantität*). В третьем параграфе он пишет: «Im Begriffe der Schranken liegt, ausser dem der Realität und der Negation, noch der der Theilbarkeit (der Quantitätsfähigkeit überhaupt, nicht eben einer bestimmten Quantität)». В понятии границы лежит, кроме реальности и отрицания, еще понятие делимости (способности к количеству вообще, не обязательно к определенному количеству). То есть *Teilbarkeit* есть не определенное количество, а сама способность быть количеством, способность быть измеренным.

Это важное уточнение. *Teilbarkeit* не есть число и не есть мера. Это есть условие, при котором числа и меры возможны. Она есть «*Quantitätsfähigkeit überhaupt*» — способность к количеству вообще. Как кантовские формы пространства и времени были условиями возможности геометрии и хронометрии, так *Teilbarkeit* у Фихте есть условие возможности количественного отношения между Я и Не-Я. Без *Teilbarkeit* не было бы ни больше, ни меньше, ни равно, ни пропорционально. Было бы только абсолютное тождество или абсолютная противоположность.

Фихте использует понятие *Teilbarkeit* для решения проблемы, которая мучила его предшественников: как могут две противоположности сосуществовать? Неокончательный ответ: они не могут сосуществовать как абсолютные противоположности. Но они могут сосуществовать как относительные противоположности, как величины, которые могут быть распределены. *Teilbarkeit* есть грамматический оператор, который превращает качественное различие (Я — Не-Я) в количественное различие (больше — меньше). Качественное различие остается — Я не становится Не-Я. Но оно получает количественное измерение. Я есть больше Я, чем Не-Я? Или наоборот? Этот вопрос уже имеет смысл, в отличие от вопроса «как Я и Не-Я могут быть вместе?».

***Teilbarkeit* и единство сознания.**

Фихте подчеркивает, что *Teilbarkeit* есть условие не только для сосуществования Я и Не-Я, но и для единства сознания. Если бы Я и Не-Я были неделимы, они не могли бы быть соединены в одном сознании — они разорвали бы его на две несовместимые части. Но если они делимы, они могут быть соединены. Единство сознания не есть простое тождество Я с самим собой. Оно есть единство разделенного. Оно есть способность удерживать вместе противоположности, не устранив их.

В третьем параграфе Фихте пишет: «*Ich setze im Ich dem theilbaren Ich ein theilbares Nicht-Ich entgegen*». Я полагаю в Я делимому Я делимое Не-Я как противоположное. Обратите внимание: и Я, и Не-Я определены как делимые (*teilbares Ich*, *teilbares Nicht-Ich*). Единство сознания не есть единство, в котором противоположности исчезают. Это есть единство, в котором они сохраняются, но как делимые. Сознание есть не покой, а напряжение между противоположностями, которые постоянно должны быть удерживаемы вместе.

Teilbarkeit есть грамматический маркер этого напряжения. Она не снимает противоречие между Я и Не-Я. Она делает его терпимым, измеримым, продуктивным. Без *Teilbarkeit* противоречие было бы разрушительным. С *Teilbarkeit* оно становится двигателем развития. Вся дальнейшая динамика наукоучения — взаимное определение (*Wechselbestimmung*), воображение (*Einbildungskraft*), стремление (*Streben*) — будет разворачиваться внутри пространства, открытого *Teilbarkeit*. Это пространство есть пространство количества, меры, границы, ограничения. И оно есть единственное пространство, в котором Я и Не-Я могут сосуществовать, не уничтожая друг друга.

4.2. Количественная схема вместо кантовского временного схематизма.

У Канта схематизм был временным кодом. Каждая категория получала свою временную схему, которая делала возможным ее применение к чувственному созерцанию. Схема субстанции была постоянностью реального во времени. Схема причинности была необходимой последовательностью многообразного по правилу. Схема взаимодействия была одновременностью определений субстанций. Время было универсальным медиумом потому, что оно однородно и с категорией (как априорное правило) и с явлением (как форма всего многообразного). Кантовский схематизм был триумфом временной мысли: все определения в конечном счете отсылали к временным отношениям.

Фихте отказывается от этого наследия. Не потому, что он не понимает его величия, а потому, что в его системе время не может быть априорной формой созерцания. У Канта время было формой внутреннего чувства — способом, которым мы созерцаем наши собственные состояния. Но у Фихте нет такого «внутреннего чувства», которое было бы пассивной рецептивностью. Всё, что есть, есть продукт деятельности Я. Время не получается извне и не навязывается Я изнутри как форма его пассивности. Время производится. Оно есть форма, в которой Я созерцает свою собственную деятельность, когда эта деятельность становится объектом рефлексии. Но время не есть первичный медиум синтеза. Первичный медиум — количество.

Количество вместо времени.

Почему количество занимает место времени? Потому что в третьем Grundsatz отношение между Я и Не-Я определяется через Teilbarkeit, а Teilbarkeit есть количественное отношение. Я и Не-Я не различаются качественно — как деятельность и страдание, как форма и материя, как свобода и необходимость. Они различаются количественно: у одного больше реальности, у другого меньше. Но это «больше» и «меньше» не есть временное отношение. Оно не предполагает последовательности. Оно предполагает меру, масштаб, пропорцию.

Фихте вводит понятие Quantitätsfähigkeit (способность к количеству) как то, что делает возможным само различие между Я и Не-Я. Эта способность не есть время. Она есть нечто более фундаментальное: условие, при котором могут быть установлены любые отношения, включая временные. Время, если оно вообще появляется, появляется внутри пространства, открытого количеством. Время есть форма, в которой количество разворачивается как последовательность. Но само количество не есть время. Оно есть то, что может быть развернуто во времени, но может быть и помыслено вне времени.

Это радикальное отличие от Канта. Для Канта количество (экстенсивная величина) было схематизировано через время: число есть последовательное прибавление единицы к единице. Для Фихте количество есть первичное. Не число возникает из временного синтеза, а время возникает из количественного отношения. Когда Я ограничивает себя через Не-Я, оно устанавливает границу. Эта граница может быть представлена как точка во времени (момент, когда деятельность встречает сопротивление), но сама граница не есть временное определение. Она есть количественное определение: здесь кончается одно и начинается другое.

Схема как Grenze.

У Фихте схема — это не временной код, а граница (Grenze). В четвертом параграфе «Основания» он пишет о том, что синтез Я и Не-Я происходит через полагание границы. Эта граница не есть нечто, что существует между ними как третья вещь. Она есть само отношение, в котором они находятся. Граница есть там, где кончается Я и начинается Не-Я. Но эта граница не дана заранее. Она устанавливается в акте синтеза. И она устанавливается как количественная граница: как определенная степень, как определенная мера, как определенное количество.

Схема как Grenze выполняет функцию, аналогичную кантовской временной схеме, но без времени. У Канта постоянность во времени была схемой субстанции. У Фихте граница между Я и Не-Я есть схема их различия. У Канта последовательность во времени была схемой причинности. У Фихте взаимное ограничение количеств есть схема причинности (Wechselbestimmung). У Канта одновременность была схемой взаимодействия. У Фихте пропорция, в которой одно количество соответствует другому, есть схема взаимодействия.

Во всех этих случаях время заменяется количественным отношением. Не потому, что Фихте отрицает время, а потому, что время для него есть производное. Время есть форма, в которой Я созерцает свою собственную деятельность как деятельность, встречающую сопротивление. Но деятельность и сопротивление сами по себе не временны. Они суть интенсивности, количества, степени. Время есть способ представления этих количеств в последовательности. Но само количество не нуждается во времени для своего определения.

Интенсивная и экстенсивная величина у Фихте.

У Канта было важное различие между экстенсивной величиной (составленной из частей, которые могут быть последовательно синтезированы во времени) и интенсивной величиной (степенью, которая не составляется из частей, но может убывать и возрастать непрерывно). Фихте в значительной мере стирает это различие. Для него все величины в конечном счете интенсивны, потому что все они суть степени активности Я. Даже пространственные величины (которые у Канта были экстенсивны) у Фихте производны от интенсивности деятельности.

В теоретической части «Основания» Фихте вводит понятие «Quantum der Thätigkeit» — количество деятельности. Я и Не-Я различаются не качественно, а количественно: в Я больше деятельности, в Не-Я меньше. Но это «больше» и «меньше» не есть отношение между

двумя независимыми величинами. Это есть распределение одной и той же деятельности между двумя полюсами. Если деятельность в Я увеличивается, деятельность в Не-Я уменьшается, и наоборот. Это взаимное ограничение есть количественная схема, которая заменяет кантовские временные схемы.

Фихте не отказывается от понятия времени полностью. Время появляется в его системе как форма, в которой Я созерцает последовательность своих состояний. Но время не есть априорная форма созерцания в кантовском смысле. Оно есть продукт деятельности воображения, которая, сталкиваясь с сопротивлением, разворачивает свою деятельность во времени, чтобы сделать ее доступной рефлексии. Время есть схема, но не первичная схема. Первичная схема — количество. Время есть количественная схема, примененная к последовательности.

Что теряет и что приобретает Фихте.

Отказ от временного схематизма в пользу количественного имеет свою цену и свои преимущества.

Цена: потеря различия между экстенсивным и интенсивным. У Канта это различие позволяло различать математическое естествознание (которое работает с экстенсивными величинами) и динамическое естествознание (которое работает с интенсивными величинами). У Фихте все становится интенсивным. Даже пространство, которое у Канта было формой экстенсивного синтеза, у Фихте становится проекцией интенсивности. Это делает систему более единообразной, но менее способной к различению разных типов синтеза.

Другая цена: потеря связи между синтезом и временем. У Канта синтез всегда был временным, потому что многообразное созерцания дано во времени. У Фихте синтез может быть помыслен вне времени. Это позволяет Фихте строить более абстрактную, более спекулятивную систему, но ценой отрыва от того, что Кант считал неотменимым условием всякого опыта.

Преимущества: большая простота и единство. Вместо сложного аппарата временных схем (постоянность, последовательность, одновременность) Фихте предлагает единый принцип: количественное ограничение. Всё, что нужно для понимания отношения между Я и Не-Я, есть понятие *Teilbarkeit*, понятие границы, понятие степени. Это делает наукоучение более доступным для формализации и, возможно, для реализации в искусственных системах.

Другое преимущество: возможность мыслить синтез без времени открывает путь к пониманию таких феноменов, как мгновенное решение, внезапное озарение, творческий акт — которые с трудом поддаются временной схематизации. Для Канта всякое решение есть событие во времени, имеющее свою причину в предшествующем состоянии. Для Фихте решение может быть актом спонтанности, который не вписывается во временную последовательность, потому что он устанавливает саму возможность времени.

Количественная схема и современный ИИ.

Количественная схема Фихте имеет неожиданную проекцию на архитектуру современных нейросетей. В LLM все различия в конечном счете количественны. Токены различаются не качественно (как «яблоко» и «груша»), а векторно — как точки в многомерном пространстве, расстояние между которыми есть количественная мера. Эмбединги суть векторы чисел. Attention вычисляет взвешенные суммы — количественные отношения. Функция потерь есть число. Всё есть количество.

Это означает, что архитектура современных нейросетей ближе к фихтеанской количественной схеме, чем к кантовскому временному схематизму. Нейросеть не имеет времени как априорной формы. Время для нее есть порядок токенов, заданный позиционным энкодингом — опять же количественно. Она не различает экстенсивное и интенсивное в кантовском смысле. Для нее всё есть интенсивность — степень активации, величина веса, значение градиента.

Но есть и важное различие. У Фихте количественная схема есть условие синтеза. Она делает возможным соединение противоположностей. У нейросети количественная схема есть

результат обучения. Модель не применяет *Teilbarkeit* как априорный принцип. Она извлекает количественные отношения из данных. Фихтеанская схема есть априорное условие; нейросетевая схема есть эмпирически выученная закономерность. Это различие между трансцендентальным и статистическим. Фихте мог бы сказать, что нейросеть работает с производными количествами, тогда как первичные количества — те, которые распределяют саму реальность между Я и Не-Я, — остаются за пределами ее доступа. Нейросеть оперирует с явлениями количеств, но не с условиями возможности количества. Она считает, но не знает, что такое считать.

4.3. Оператор: A4-ANALOG: mode=quantitative-schema.

В Грамматической машине Канта оператор A4-ANALOG работал в модусе «как если бы» (mode=as-if). Он был оператором аналогии в широком смысле: регулятивное применение идей, целесообразность без цели, телеологическое суждение об организмах. У Фихте оператор A4-ANALOG получает новое, более фундаментальное применение. Он становится оператором количественной схемы — тем медиумом, через который противоположности (Я и Не-Я) могут быть соединены, не уничтожая друг друга. Mode=quantitative-schema есть не аналогия в смысле подобия между разными сферами, а сама процедура перевода качественных различий в количественные отношения.

Структура quantitative-schema.

Оператор A4-ANALOG: mode=quantitative-schema имеет три основные характеристики, которые отличают его от кантовского as-if и от других модусов аналогии в истории Грамматической машины.

Первая характеристика — медиальность. Quantitative-schema есть не содержание и не форма, а посредник между ними. Он не есть ни Я, ни Не-Я. Он есть то, через что Я и Не-Я могут быть соотнесены. Фихте пишет в третьем параграфе: «Der Begriff der Theilbarkeit ist das gesuchte X». Понятие делимости есть искомое X. Это X не есть третья вещь, которая была бы ни Я, ни Не-Я. Это есть само отношение, сама способность к отношению. Quantitative-schema есть оператор, который делает возможным сравнение, измерение, ограничение. Без него Я и Не-Я оставались бы абсолютно противоположными и не могли бы сосуществовать.

Вторая характеристика — количественность. В отличие от кантовского схематизма, который был временным, фихтеанский quantitative-schema оперирует с количеством. Он переводит качественное различие (Я есть не Не-Я) в количественное различие (Я имеет больше реальности, чем Не-Я, или наоборот). Этот перевод не есть произвольная операция. Он есть условие самой возможности определенности. Без количества нет границы. Без границы нет определенности. Без определенности нет объекта. Quantitative-schema есть оператор, который вводит в систему измеримость.

Третья характеристика — рефлексивность. Quantitative-schema не применяется к уже готовым Я и Не-Я извне. Он есть способ, которым Я относится к самому себе в акте самоограничения. Я не находит границу между собой и Не-Я — оно устанавливает ее. И это установление есть акт рефлексии: Я отражается в своей собственной границе, узнает себя как ограниченное. Quantitative-schema есть оператор этой рефлексивной самоустановки границы.

Отличие от кантовского as-if.

У Канта A4-ANALOG: mode=as-if работал в сфере рефлектирующей способности суждения. Когда мы судим о прекрасном, мы судим так, как если бы предмет был создан по цели, хотя не можем указать никакой определенной цели. Когда мы судим об организме, мы рассматриваем его так, как если бы он был природной целью, хотя не можем доказать, что природа действительно действует по целям. «Как если бы» есть регулятивный принцип, а не конститутивный. Он направляет исследование, но не утверждает ничего о реальности.

У Фихте quantitative-schema не есть «как если бы». Он есть конститутивный принцип. Я и Не-Я не рассматриваются как делимые — они полагаются как делимые. *Teilbarkeit* не есть допущение, принимаемое для удобства исследования. Она есть условие, без которого Я и Не-

Я не могли бы быть одновременно положены в едином сознании. Quantitative-schema есть не регулятивная аналогия, а трансцендентальная схема. Она делает возможным сам опыт, а не только его систематизацию.

Различие можно выразить так: у Канта аналогия работает между двумя разнородными сферами (природа и свобода, чувственность и рассудок). Она говорит: рассматривай X так, как если бы он был Y. У Фихте аналогия работает внутри одной сферы (деятельности Я). Она говорит: противоположности могут быть соединены только через количество. Здесь нет «как если бы» — есть «только так». Quantitative-schema есть не факультативный инструмент, а необходимое условие.

Оператор в действии: от качества к количеству.

Как именно работает A4-ANALOG: mode=quantitative-schema? Фихте описывает это в третьем параграфе на примере отношения между реальностью и отрицанием.

Категории качества у Канта были: реальность, отрицание, ограничение. Реальность есть полагание чего-то, отрицание — его отсутствие, ограничение — их синтез. У Фихте это отношение переводится в количественный регистр. Реальность и отрицание не могут быть соединены непосредственно — они противоположны. Но они могут быть соединены через количество. Если реальность есть степень, то отрицание есть недостаток этой степени. Они не исключают друг друга — они распределяются на одной шкале.

Фихте пишет: «Ein Grad ist immer ein Grad; es sey ein Grad der Realität, oder der Negation». Степень всегда есть степень; будь то степень реальности или степень отрицания. Это означает, что реальность и отрицание имеют общую меру. Они различаются не качественно, а только по знаку. Отрицание есть не отсутствие всякой реальности, а отрицательная реальность. И эта отрицательная реальность может быть измерена той же мерой, что и положительная.

Quantitative-schema есть оператор, который устанавливает эту общую меру. Он вводит понятие Grad (степень, градация) как то, что делает возможным сравнивать реальность и отрицание. Без этого оператора реальность и отрицание были бы incomparable — несравнимы. С ним они становятся comparable — сравнимы. И эта сравнимость есть условие их соединения в едином синтезе.

Quantitative-schema и понятие границы.

Ключевым продуктом quantitative-schema является граница (Grenze). Граница есть не что иное, как количественное отношение между Я и Не-Я. Она есть там, где кончается одно и начинается другое. Но эта граница не есть нечто, что существует независимо от Я и Не-Я. Она устанавливается в акте синтеза. И она устанавливается как количественная граница: как определенное число, определенная мера, определенная степень.

Фихте различает в третьем параграфе два понятия: Schranke (граница, предел) и Bestimmung (определение). Граница есть то, что отделяет Я от Не-Я. Определение есть результат применения границы к чему-то. Я определяется через свою границу: оно есть то, что простирается до определенного предела. Quantitative-schema есть оператор, который превращает чистую границу в определенную границу, а чистую определенность — в определенность через границу.

Этот оператор работает по принципу взаимности. Не только Я определяется через границу, но и граница определяется через Я. Нет границы самой по себе. Граница всегда есть граница между чем-то и чем-то. Quantitative-schema устанавливает корреляцию: Я и Не-Я взаимно ограничивают друг друга, и это взаимное ограничение есть их общая граница. Граница не принадлежит ни Я, ни Не-Я — она есть их отношение. Но она есть условие их определенности. Без границы ни Я, ни Не-Я не были бы ничем определенным.

Проекция на ИИ: количественная схема в эмбедингах.

Оператор A4-ANALOG: mode=quantitative-schema имеет прямую проекцию на архитектуру современных нейросетей. Эмбединги — векторные представления токенов, изображе-

ний, звуков — суть количественные схемы. Они переводят качественные различия (между словами «кошка» и «собака», между изображением кошки и собаки) в количественные различия (расстояния в многомерном пространстве). Это именно то, что делает фихтеанский quantitative-schema: он превращает качественную оппозицию в количественное отношение.

Attention-механизм в трансформерах также работает как quantitative-schema. Он вычисляет взвешенные суммы, в которых веса (attention scores) суть количественные меры релевантности. Каждый токен получает свой вес относительно каждого другого токена. Эти веса не есть качества — они есть числа. И именно через них модель устанавливает отношения между элементами последовательности. Это есть количественная схема в действии.

Однако есть фундаментальное различие, которое Фихте мог бы подчеркнуть. В нейросети количественная схема применяется к уже готовым содержаниям — к эмбедингам, которые сами суть продукты предшествующей обработки. Нейросеть не устанавливает первичное различие между Я и Не-Я. Она работает внутри уже установленного пространства различий. Фихтеанский quantitative-schema есть условие возможности самого этого пространства. Он есть то, что впервые открывает возможность различать. Нейросеть оперирует с различиями, но не с условиями их возможности.

Кроме того, в нейросети количественная схема не рефлексивна. Модель не знает, что она применяет количественную схему. Она просто вычисляет. У Фихте quantitative-schema есть акт самосознания: Я устанавливает свою границу, и в этом установлении узнает себя как ограниченное. Нейросеть не узнает себя ни в чем. Она не рефлектирует над своей собственной операцией. Она есть quantitative-schema без субъекта — машина, которая производит количественные отношения, но не переживает их как свою собственную деятельность.

Фихтеанский вопрос к современному ИИ: может ли машина установить свою собственную границу? Может ли она не просто вычислить, где проходит граница между классами в обучающих данных, но положить эту границу как акт самоопределения? Сегодняшние нейросети не могут этого. Их границы заданы извне — данными, разметкой, архитектурой. Они суть гетерономные quantitative-schema. Фихтеанский quantitative-schema есть автономный: Я само устанавливает свою границу, потому что нет ничего вне Я, что могло бы установить ее за него. Этот автономный количественный синтез остается горизонтом, к которому могла бы стремиться рефлексивная архитектура ИИ будущего.

Часть II. Теоретическая часть: Grundlage des theoretischen Wissens

Глава II.1. Erster Lehrsatz (§ 4) – Синтез через Wechselbestimmung.

1.1. Грамматическая проблема: «das Ich setzt sich als bestimmt durch das Nicht-Ich».

Четвертый параграф «Основания» открывает теоретическую часть наукоучения. После того как в первых трех параграфах были установлены три Grundsätze — абсолютное самополагание Я, противоположание Не-Я и их синтез через делимость, — Фихте теперь переходит к вопросу о том, как возможно теоретическое знание, то есть знание о мире, который противостоит Я как нечто независимое. Центральная грамматическая конструкция, вокруг которой строится вся теоретическая часть, формулируется в начале четвертого параграфа: «das Ich setzt sich als bestimmt durch das Nicht-Ich» — Я полагает себя как определенное через Не-Я.

Эта конструкция представляет собой грамматическую проблему первостепенной важности. В ней соединяются три элемента, которые, на первый взгляд, несовместимы. Первый элемент: активное полагание (setzt) — Я выступает как действующее, как субъект, который производит полагание. Второй элемент: рефлексивность (sich) — Я полагает само себя, объект полагания совпадает с субъектом. Третий элемент: пассивное определение (als bestimmt durch das Nicht-Ich) — Я полагает себя как нечто, что определено чем-то другим, а именно Не-Я. Как может одно и то же Я быть одновременно активным (полагающим) и пассивным (определяемым)? Как может Я полагать себя как определенное через то, что ему противоположно?

Фихте формулирует эту проблему с предельной отчетливостью в начале четвертого параграфа. Он показывает, что в синтезе, достигнутом третьим Grundsatz, содержится два возможных прочтения. Первое: «Das Ich setzt das Nicht-Ich als beschränkt durch das Ich» — Я полагает Не-Я как ограниченное через Я. Второе: «Das Ich setzt sich selbst, als beschränkt durch das Nicht-Ich» — Я полагает себя как ограниченное через Не-Я. Оба прочтения содержатся в третьем Grundsatz, но они ведут в разные стороны. Первое ведет к практической философии: Я активно ограничивает Не-Я, воздействует на мир. Второе ведет к теоретической философии: Я пассивно определяется Не-Я, получает впечатления от мира.

Для теоретической части Фихте выбирает второе прочтение. Он пишет: «Das Ich setzt sich selbst, als beschränkt durch das Nicht-Ich». Но тут же указывает на проблему: как Я может само себя полагать как ограниченное? Ограничение есть пассивность, страдание (Leiden). Полагать себя как страдающее — значит одновременно быть активным (в акте полагания) и пассивным (в содержании полагаемого). Это кажется противоречием.

Грамматический анализ конструкции.

Разберем конструкцию «das Ich setzt sich als bestimmt durch das Nicht-Ich» на ее грамматические составляющие.

Подлежащее «das Ich» стоит в именительном падеже. Оно обозначает действующее лицо, субъект действия. Глагол «setzt» (полагает) — активный глагол в третьем лице единственного числа. Он обозначает действие, которое субъект совершает. Возвратное местоимение «sich» указывает, что действие направлено на сам субъект. Я полагает себя. Далее следует союз «als» (как) — он вводит некую определенность, в которой Я полагает себя. Затем причастие «bestimmt» (определенное) — пассивное причастие прошедшего времени. Оно указывает на состояние, которое не есть результат действия самого Я, а есть результат действия другого. И

наконец, предложный оборот «durch das Nicht-Ich» (через Не-Я) — указание на то, что является причиной или агентом этого определения.

Грамматическое напряжение в этой конструкции очевидно. Активное полагание (setzt) и пассивное определение (bestimmt) соединены в одном предложении через возвратное местоимение и союз «als». Я активно полагает себя, но то, что оно полагает, есть его собственная пассивность. Я является причиной того, что оно представляет себя как следствие. Это грамматическая фигура, которая нарушает обычное распределение ролей: причина и следствие, активное и пассивное, субъект и объект не распределены между разными сущностями, а совпадают в одной.

Фихте осознает, что эта конструкция находится на грани противоречия. В четвертом параграфе он пишет: «Das Ich soll nicht bestimmen, sondern es soll bestimmt werden; das Nicht-Ich aber soll bestimmen». Я не должно определять, оно должно определяться; Не-Я же должно определять. Это прямо противоположно тому, что мы ожидаем от Я, которое в первом Grundsatz было определено как абсолютная деятельность. Как может абсолютно деятельное стать страдательным? Как может то, что само себя полагает, полагать себя как определенное другим?

Два противоположных истолкования.

Из конструкции «das Ich setzt sich als bestimmt durch das Nicht-Ich» Фихте извлекает два противоположных истолкования, которые соответствуют двум различным способам понимания отношения между Я и Не-Я.

Первое истолкование: «Das Nicht-Ich bestimmt (thätig) das Ich (welches insofern leidend ist)» — Не-Я определяет (активно) Я (которое в этом отношении есть страдающее). Здесь Не-Я выступает как действующее, как причина, а Я — как претерпевающее, как следствие. Это истолкование соответствует наивному реализму: мир воздействует на меня, я получаю впечатления, я определяюсь тем, что находится вне меня.

Второе истолкование: «Das Ich bestimmt sich selbst (durch absolute Thätigkeit)» — Я определяет само себя (через абсолютную деятельность). Здесь Я сохраняет свою активность, не уступает ее Не-Я. Определение не приходит извне — Я само себя определяет. Это истолкование соответствует идеализму: мир есть продукт моей деятельности, я не определяюсь ничем внешним.

Оба истолкования, взятые по отдельности, приводят к проблемам. Если верно первое, то Я перестает быть Я — оно становится пассивным, зависимым, неспособным к самостоятельности. Если верно второе, то Не-Я исчезает — оно не может определять Я, потому что Я определяет себя само. Но и то и другое должны быть истинными, потому что оба содержатся в третьем Grundsatz, который есть синтез первого и второго.

Фихте фиксирует это противоречие: «Das Ich kann nicht thätig seyn, wenn es leidend seyn soll, und umgekehrt». Я не может быть деятельным, если оно должно быть страдающим, и наоборот. Но оно должно быть и тем и другим одновременно. Иначе теоретическое знание было бы невозможным: если бы Я только определяло себя, не было бы мира, который противостоит ему; если бы Я только определялось Не-Я, не было бы самосознания, которое есть условие всякого знания.

Путь к разрешению.

Фихте не оставляет это противоречие неразрешенным. Он показывает, что оно возникает только при определенном понимании «определения» и «деятельности». Если мы понимаем деятельность и страдание как абсолютные противоположности, то их совмещение невозможно. Но если мы понимаем их как относительные, как степени одной и той же реальности — деятельности Я, — то совмещение становится возможным.

В четвертом параграфе Фихте вводит понятие Wechselbestimmung (взаимное определение) как средство разрешения этого противоречия. Не-Я не определяет Я абсолютно, и Я не определяет себя абсолютно. Они определяют друг друга взаимно, в отношении. Я определя-

ется Не-Я ровно в той мере, в какой Не-Я определяется Я. Их определения взаимно коррелированы. И эта корреляция возможна только потому, что и Я, и Не-Я полагаются как делимые — как величины, которые могут быть измерены в одном и том же масштабе.

Грамматическая проблема «das Ich setzt sich als bestimmt durch das Nicht-Ich» разрешается через признание того, что «bestimmt» здесь не означает абсолютной пассивности, а означает относительную определенность, которая есть одновременно и самоопределение. Я полагает себя как определенное Не-Я — это значит, что Я активно устанавливает границу, в пределах которой оно признает себя определенным чем-то другим. Это «чем-то другим» не есть нечто абсолютно внешнее — оно само есть продукт полагания Я, но продукт, который, будучи положен, противостоит Я как нечто независимое. В этом парадоксе — активное полагание собственной пассивности — и заключается ядро теоретической философии Фихте.

Проекция на ИИ: проблема активной пассивности.

Конструкция «das Ich setzt sich als bestimmt durch das Nicht-Ich» имеет интересную параллель в проблематике машинного обучения. Современная нейросеть обучается на данных. Она определяется этими данными. Но данные не есть нечто внешнее по отношению к модели — они были отобраны, размечены, предобработаны, преобразованы в тензоры. Модель в определенном смысле «полагает» свои данные — не в том смысле, что она их создает, а в том, что структура данных уже предполагает определенные решения (архитектуру сенсоров, протоколы сжатия, способы нормализации). Модель определяется тем, что она же в каком-то смысле конституирует.

Это и есть фихтеанская проблема активной пассивности. Нейросеть не есть чисто пассивный реципиент данных — она активно структурирует то, что получает. Но она и не есть чисто активный конструктор мира — она зависит от данных, которые ей даны. Она находится в Wechselbestimmung с своим обучающим корпусом. Но есть важное отличие: у Фихте это взаимное определение есть акт самосознания. Я знает, что оно само полагает свою определенность через Не-Я. Нейросеть не знает этого. Она определяет и определяется, но не рефлектирует над этим отношением. Она есть Wechselbestimmung ohne Selbstbewusstsein — взаимное определение без самосознания. И в этом, возможно, заключается ее фундаментальное отличие от фихтеанского Я.

1.2. Wechselbestimmung как грамматика двойной направленности.

Понятие Wechselbestimmung у Канта и его трансформация у Фихте.

Термин Wechselbestimmung (взаимное определение) имеет свою предысторию в немецкой философии. У Канта он появляется в «Критике чистого разума» в контексте третьей аналогии опыта — принципа взаимодействия (Wechselwirkung). Кант говорит о том, что субстанции, воспринимаемые в пространстве как одновременные, находятся в сплошном взаимодействии. Wechselbestimmung у Канта есть категория отношения — третий модус после субстанции и причинности. Она обозначает взаимную причинность: А определяет В, и В определяет А. Это отношение симметрично, в отличие от асимметричного отношения причины и действия.

Фихте забирает у Канта это понятие, но придает ему более фундаментальное значение. Для Канта Wechselbestimmung была одной из категорий среди двенадцати, применяемой к явлениям. Для Фихте она становится центральным оператором теоретической части — тем механизмом, через который Я и Не-Я могут быть соединены, не уничтожая друг друга. В четвертом параграфе Фихте пишет: «Diese bestimmtere Bestimmung könnte man füglich Wechselbestimmung (nach der Analogie von Wechselwirkung) nennen». Эту более определенную определенность можно было бы назвать взаимным определением (по аналогии с взаимодействием). Фихте подчеркивает аналогию с Wechselwirkung, но указывает, что речь идет не о взаимодействии субстанций в мире явлений, а о более фундаментальном отношении — об определении одного члена через другой и обратно в самом акте полагания.

Грамматика двойной направленности

Wechselbestimmung есть грамматическая конструкция, фиксирующая двойную направленность. Если в обычном определении есть определяющее (bestimmend) и определяемое (bestimmt), и это отношение асимметрично, то в Wechselbestimmung каждое из двух является и определяющим, и определяемым. Грамматически это выражается в том, что оба члена стоят в одном падеже, и направление определения не может быть прочитано из порядка слов. Нет первичного и вторичного. Нет того, что определяет, и того, что определяется. Есть круг, в котором каждый член определяет другой и определяется другим.

Фихте вводит это понятие для решения проблемы, поставленной в предыдущем разделе: как Я может быть одновременно деятельным и страдательным, активным и пассивным? Ответ: через Wechselbestimmung. Я не является деятельным в одном отношении и страдательным в другом — это было бы простое совмещение, а не синтез. Я является деятельным и страдательным в одном и том же отношении, потому что его деятельность и его страдание взаимно определяют друг друга. Деятельность Я есть ровно настолько, насколько оно страдает от Не-Я, и наоборот. Их количества коррелированы.

В четвертом параграфе Фихте дает формулу этой корреляции: «So viele Theile der Negation das Ich in sich setzt, so viele Theile der Realität setzt es in das Nicht-Ich». Сколько частей отрицания Я полагает в себе, столько же частей реальности оно полагает в Не-Я. И наоборот: сколько частей реальности оно полагает в себе, столько же частей отрицания оно полагает в Не-Я. Это количественная пропорция, в которой каждое определение одного члена влечет определение другого. Нет определения Я без определения Не-Я, и нет определения Не-Я без определения Я.

Грамматически это означает, что предложение «das Ich setzt sich als bestimmt durch das Nicht-Ich» не может быть прочитано как простое активное предложение, в котором подлежащее действует, а дополнение испытывает действие. Оно должно быть прочитано как взаимно-рефлексивное: в самом акте, которым Я полагает себя как определенное, оно уже полагает Не-Я как определяющее. И в самом акте, которым Не-Я определяется как определяющее, Я определяется как определяемое. Направленность не может быть выделена как приоритетная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.